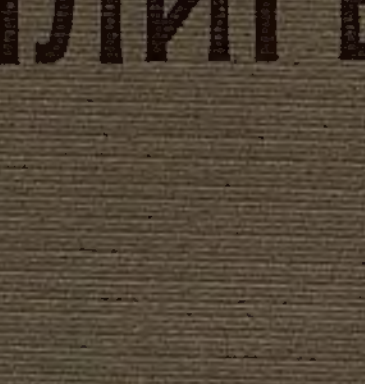
Б 70

120

РОССІЯ
И
ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ



ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИѲЫ”

07801

ALEXANDER BLOCK

RUSSLAND

UND DIE

INTELLEKTUELLEN

VERLAG „SKYTHEN“ / BERLIN

К
670

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

РОССІЯ
И
ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ

Д. С. Р.
Инв. № 3Р-380.
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЦГА СССР
Инв. № 078D1
Хранилище печатных изданий ЦГАОР СССР
ВХ. № 3Р-2462

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИѲЫ“ / БЕРЛИНЪ

Право собственности закрѣплено за издательствомъ
во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается законами.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Übersetzungsrecht.

Copyright by Editors („Scythians“) 1920.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Александръ Блокъ собралъ въ небольшой брошюрѣ статьи и доклады на тему, мучащую его уже десять лѣтъ: о взаимоотношеніяхъ того „музыкальнаго“ что заключаетъ въ себѣ понятіе „Россія“ — народъ, народная душа, стихія — и того „антимузыкальнаго“ начала, воплощеніемъ котораго является „интеллигенція“ — просвѣщеніе, культура.

Межъ ними — двумя станами, какъ между войскомъ Дмитрія Донского и ратью Хана вьется „туманная рѣчка Непрядва“, вьется раздѣляя, разъединяя, „красная отъ русской и татарской“ крови.

Возможно ли единеніе душъ? „Полтораста милліоновъ“ и „нѣсколько сотъ тысячъ“ — сольются ли въ одно? Или вѣчно будутъ станами стоять по берегамъ Непрядвы тѣ, кто любитъ „соборно посплетничать о Христѣ“, и тѣ, что за Христа своего способны выдержать сибирскія пытки?

Вотъ вопросъ, который мучитъ Александра Блока. На улицѣ вѣтеръ, проститутки мерзнутъ, люди голодаютъ, ихъ вѣшаютъ... „жить трудно; холодно, мерзко“ — а тамъ „уродливое мельканіе словъ“: „честный соціалъ-демократъ съ шишковатымъ лбомъ злобно бросаетъ десятки вопросовъ“, „лысина елеемъ помазанная“, „тоненькій священникъ въ бѣдной рясѣ“, „супруги и свояченицы въ приличныхъ кофточкахъ“... Есть ли примиреніе?

Сможетъ ли „интеллигентъ“ найти спасеніе отъ своей страшной болѣзни, отъ той мучительной Гейневской ироніи въ „безпламенномъ пожарѣ“, которою опустошительно хохочетъ „сдержанно желчный“ по-

томокъ всѣхъ „промотавшихся отцовъ“? Сможетъ ли онъ принять формулу, въ которой спасеніе отъ болѣзни личности, формулу самоотреченія, только принявъ которую можно стать самимъ собою?

Пришла революція. Всколыхнулась стихія. Дочь Гоголя — Россія, Россія-тройка, родилась и пожелала быть. Родилось то прекрасное, то огромно-трудное, о которомъ только и стоитъ думать. Проснулась Россія Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Толстого. Всѣ они выношенные и вскормленные народомъ-отцомъ знали и вѣрили — жизнь прекрасна. И горе тѣмъ, кто не вѣритъ, кто дрожитъ, кто прячется, кто боится. „Мало мы любили, если трусили за любимое. Кремли валящіеся, цари низвергнутые — не цари. Цари и кремли въ головѣ нашей. Нужно только, чтобы въ душѣ пѣла музыка и отъ этого хрустальнаго звона отверзется сердце человѣка.“

Бездомный, безсемейный, безчинный и нищій интеллигентъ — никогда не зналъ почвы; онъ здѣсь, онъ ждетъ, онъ прислушивается къ музыкѣ будущаго. Не всѣ услышали. Есть мелкіе, есть боязливые, еще не проснувшіеся — по прежнему чужіе, все еще стоящіе по ту сторону рѣчки Непрядвы станомъ злобнымъ и враждебнымъ. Но иные пришли уже и „всѣмъ сердцемъ, всѣмъ сознаніемъ“ слушаютъ Революцію . . .

Писанія Блока всегда даютъ необъятное наслажденіе совершенства; въ нихъ форма — скульптурный Фидіевъ языкъ — въ вершинахъ радости соприкасается съ высшимъ познаніемъ — все въ нихъ музыка, звонъ колокольный, что чудился Гоголю всюду.

Намъ близокъ Блокъ. Въ немъ есть родное. Вѣдь Блокъ — народникъ.

Я вижу читатель усмѣхнулся, слышу хочетъ возразить одной изъ изумрудныхъ фразъ самого Блока.

„Есть факты неоспоримые, но сами по себѣ не имѣющіе никакого значенія; напримѣръ: Беконъ Ве-

руламскій — взяточникъ, Спиноза — стекольщикъ, Гаршинъ — переплетчикъ, Горькій — соціалъ-демократъ“ . . .

Александръ Блокъ — народникъ!

Нѣтъ, здѣсь сліяніе глубже. Вѣдь народничество — не принадлежность къ какой-то партіи, не „соціализація земли“ и „особый путь развитія“. Народничество — міроощущеніе. Народничество — міропониманіе. Народникъ — особый психологическій типъ. Послушайте, что пишетъ Блокъ и вы поймете, что радостно роднитъ его съ народническимъ міровоспріятіемъ:

„Жить стоитъ только такъ, чтобы предъявлять безмѣрныя требованія къ жизни: все, или ничего; ждать нежданнаго; вѣрить не въ „то, чего нѣтъ на свѣтѣ“, а въ то, что должно быть на свѣтѣ; пусть сейчасъ этого нѣтъ, и долго не будетъ. Но „жизнь отдастъ намъ это, ибо она прекрасна“.

А. Шрейдеръ.

ОТЪ АВТОРА.

Редакція „Знамени Труда“ дала мнѣ возможность подѣлиться съ новыми читателями моими настоящими и прежними мыслями на тему, занимающую меня уже десять лѣтъ.

Считаю долгомъ оговорить заранѣе, что я никогда не подходилъ къ вопросу съ соціологической, а, тѣмъ болѣе, съ политической стороны. Тема моя, если можно такъ выразиться, музыкальная (конечно, не въ спеціальномъ значеніи этого слова). Отсюда и общее заглавіе всѣхъ статей — „Россія и интеллигенція“.

Россія здѣсь не государство, не національное цѣлое, не отечество, а нѣкое соединеніе, постоянно мѣняющее свой внѣшній образъ, текучее, какъ гераклитовскій міръ и, однако, неизмѣняющееся въ чемъ то самомъ основномъ. Наиболѣе близко опредѣляютъ это понятіе слова: „народъ“, „народная душа“, „стихія“, но каждое изъ нихъ отдѣльно все-таки не исчерпываетъ всего музыкальнаго смысла слова „Россія“.

Точно также, и слово „интеллигенція“ берется не въ соціологическомъ его значеніи; это — не классъ, не политическая сила, не „внѣсословная группа“, а опять таки особаго рода соединеніе, которое, однако, существуетъ въ дѣйствительности, и, волею исторіи, вступило въ весьма знаменательныя отношенія съ „народомъ“, со „стихіей“: именно — въ отношенія борьбы.

Интеллигенція, какъ и Россія, постоянно мѣняетъ свои внѣшніе облики, но также остается равной себѣ

въ чемъ-то самомъ существенномъ. Близко соприкасаются съ этимъ понятіемъ — понятія „просвѣщенія“ (хотя бы въ томъ смыслѣ, какой придалъ этому слову восемнадцатый вѣкъ), „культуры“ (не въ древнемъ, а въ новомъ употребленіи); но, опять-таки, въ этихъ понятіяхъ нѣтъ полнаго музыкальнаго совпаденія съ тѣмъ, о чемъ у меня идетъ рѣчь; лучше сказать, именно антимузыкальность понятія „интеллигенціи“ заставляетъ меня орудовать этимъ, а не какимъ либо другимъ словомъ.

Такая оговорка, я надѣюсь, отниметъ поводъ для многихъ возраженій, которыя были мнѣ сдѣланы и которыя покоились иногда на чистѣйшемъ недоразумѣніи.

9 января 1918 года.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И РЕВОЛЮЦІЯ.

„Россія гибнетъ“, „Россіи больше нѣтъ“, „вѣчная память Россіи“, слышу я вокругъ себя.

Но передо мной — Россія: та, которую видѣли въ устрашающихъ и пророческихъ снахъ наши великіе писатели; тотъ Петербургъ, который видѣлъ Достоевскій; та Россія, которую Гоголь назвалъ несущейся тройкой.

Россія — буря. Демократія приходитъ „опоясанная бурей“, говоритъ Карлейль.

Россіи суждено пережить муки, униженія, раздѣленія; но она выйдетъ изъ этихъ униженій новой и — по новому — великой.

Въ томъ потокѣ мыслей и предчувствій, который захватилъ меня десять лѣтъ назадъ, было смѣшанное чувство Россіи: тоска, ужасъ, покаяніе, надежда.

То были времена, когда царская власть въ послѣдній разъ достигла, чего хотѣла: Витте и Дурново скрутили революцію веревкой; Столыпинъ крѣпко обмоталъ эту веревку о свою нервную дворянскую руку. Столыпинская рука слабѣла. Когда не стало этого послѣдняго дворянина, власть, по выраженію одного весьма сановнаго лица, перешла къ „поденщикамъ“; тогда веревка ослабла и безъ труда отвалилась сама.

Все это продолжалось не много лѣтъ; но немногіе годы легли на плечи, какъ долгая, безсонная, наполненная призраками ночь.

Распутинъ — все, Распутинъ всюду; Азефы разоблаченные и неразоблаченные; и, наконецъ, годы европейской бойни; казалось минуту, что она очиститъ воздухъ — казалось намъ, людямъ чрезмѣрно впечатлительнымъ; на самомъ дѣлѣ, она оказалась достойнымъ вѣнцомъ той лжи, грязи и мерзости, въ которыхъ купалась наша родина.

Что такое война?

Болота, болота, болота; поросшія травой, или занесенныя снѣгомъ; на западѣ — унылый нѣмецкій прожекторъ — шаритъ — изъ ночи въ ночь; въ солнечный день появляется нѣмецкій фоккеръ; онъ упрямо летитъ одной и той же дорожкой; точно въ самомъ небѣ можно протоптать и загадить дорожку; вокругъ него разбѣгаются дымки; бѣлые, сѣрые, красноватые (это мы его обстрѣливаемъ, почти никогда не попадая; такъ же, какъ и нѣмцы — насъ); фоккеръ стѣсняется, колеблется, но старается держаться своей поганой дорожки; иной разъ методически сброситъ бомбу; значитъ, мѣсто, куда онъ цѣлитъ, истыкано на картѣ десятками рукъ нѣмецкихъ штабныхъ; бомба упадаетъ иногда — на кладбище, иногда — на стадо скотовъ, иногда — на стадо людей; а чаще, конечно, въ болото; это — тысячи народныхъ рублей въ болотѣ.

Люди глазѣютъ на все это, изнывая отъ скуки, пропадая отъ бездѣлья; сюда уже успѣли перетащить всю гнусность до-военныхъ квартиръ: измѣны, картежъ, пьянство, ссоры, сплетни.

Европа сошла съ ума: цвѣтъ человѣчества, цвѣтъ интеллигенціи сидитъ годами въ болотѣ, сидитъ съ убѣжденіемъ (не символъ ли это?) на узенькой тысячеверстной полоскѣ, которая называется „фронтъ“.

Люди — крошечные, земля — громадная. Это вздоръ, что міровая война такъ замѣтна: довольно маленькаго клочка земли, опушки лѣса, одной полянки, чтобы уложить сотни труповъ людскихъ и лошадиныхъ. А сколько ихъ можно свалить въ не-

большую яму, которую скоро затянетъ трава, или запорошитъ снѣгъ! Вотъ одна изъ осязаемыхъ причинъ того, что „великая европейская война“ такъ убога.

Трудно сказать, что тошнотворнѣе: кровопролитіе, или то бездѣлье, та скука, та пошлятина; имя обоимъ — „великая война“, „отечественная война“, „война за освобожденіе угнетенныхъ народностей“, или какъ еще? Нѣтъ, подъ этимъ знакомъ — никого не освободить.

Вотъ, подъ игомъ грязи и мерзости запустѣнія, подъ бременемъ сумасшедшей скуки и безсмысленнаго бездѣлья, люди какъ то разсѣялись, замолчали и ушли въ себя; точно сидѣли подъ колпаками, изъ которыхъ постепенно выкачивался воздухъ. Вотъ, когда дѣйствительно хамѣло человѣчество, и въ частности — россійскіе патріоты!

Потокъ предчувствій, прошумѣвшій надъ иными изъ насъ между двухъ революцій, также ослабѣлъ, заглохъ, ушелъ куда-то въ землю. Думаю, не я одинъ испытывалъ чувство болѣзни и бреда въ годы 1909—1916. Теперь, когда весь европейскій воздухъ измѣненъ русской революціей, начавшейся „безкровной идилліей“ февральскихъ дней, и растущей безостановочно и грозно, кажется иногда, будто и не было тѣхъ недавнихъ, такихъ древнихъ и далекихъ годовъ; а потокъ, ушедшій въ землю, протекавшій безшумно въ глубинѣ и тьмѣ — вотъ онъ опять шумитъ, и въ шумѣ его — новая музыка.

Мы любили эти диссонансы, эти ревы, эти звоны, эти неожиданные переходы . . . въ оркестрѣ. Но, если мы ихъ дѣйствительно любили, а не только щекотали свои нервы въ модномъ театральномъ залѣ послѣ обѣда, — не должны ли мы слушать и любить тѣ же звуки теперь, когда они вылетаютъ изъ міроваго оркестра; и, слушая, понимать, что это — о томъ же, все о томъ же?

Музыка, вѣдь, не игрушка; а та бестія, которая полагала, что музыка — игрушка, — и веди себя теперь, какъ бестія: дрожи, пресмыкайся, береги свое добро!

Мы, русскіе, переживаемъ эпоху, имѣющую немного равныхъ себѣ по величію. Вспоминаются слова Тютчева:

Блаженъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя,
Его призвали всеблагіе,
Какъ собесѣдника, на пиръ,
Онъ ихъ высокихъ зрѣлищъ зритель . . .

Не дѣло художника — смотрѣть за тѣмъ, какъ исполняется задуманное, печься о томъ, исполнится оно, или нѣтъ. У художника — все бытовое, житейское, быстро смѣняющееся — найдетъ свое выраженіе потомъ, когда перегоритъ въ жизни. Тѣ изъ насъ, кто уцѣлѣетъ, кого не „изомнетъ съ налету вихрь шумный“, окажутся властителями неисчислимыхъ духовныхъ сокровищъ. Овладѣть ими, вѣроятно, сможетъ только новый геній, пушкинскій Аріонъ; онъ, „выброшенный волною на берегъ“, будетъ пѣть „прежніе гимны“ и „ризу влажную свою“ сушить „на солнцѣ, подъ скалою“.

Дѣло художника, обязанность художника — видѣть то, что задумано, слушать ту музыку, которою гремитъ „разорванный вѣтромъ воздухъ“.

Что же задумано?

Передѣлать все. Устроить такъ, чтобы все стало новымъ; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью.

Когда такіе замыслы, искони таящіеся въ человѣческой душѣ, въ душѣ народной, разрываютъ ско-

вывавшіе ихъ путы и бросаются бурнымъ потокомъ, доламывая плотины, обсыпая лишніе куски береговъ, это называется революціей. Меньшее, болѣе умѣренное, болѣе низменное — называется мятежомъ, бунтомъ, переворотомъ. Но это называется революціей.

Она сродни природѣ. Горе тѣмъ, кто думаетъ найти въ революціи исполненіе только своихъ мечтаній, какъ бы высоки и благородны они ни были. Революція, какъ грозовой вихрь, какъ снѣжный буранъ, всегда несетъ новое и неожиданное, она жестоко обманываетъ многихъ; она легко калѣчитъ въ своемъ водоворотѣ достойнаго; она часто выноситъ на сушу невредимыми недостойныхъ; но это — ея частности, это не мѣняетъ ни общаго направленія потока, ни того грознаго и оглушительнаго гула, который издаетъ потокъ. Гулъ этотъ, все равно, всегда — о великомъ.

Размахъ русской революціи, желающей охватить весь міръ (меньшаго истинная революція желать не можетъ, исполнится это желаніе или нѣтъ, — гадать не намъ), таковъ: она лелѣетъ надежду поднять міровой циклонъ, который донесетъ въ заметенныя снѣгомъ страны — теплый вѣтеръ и нѣжный запахъ апельсиновыхъ рощъ; увлажнитъ спаленныя солнцемъ степи юга — прохладнымъ сѣвернымъ дождемъ.

„Миръ и братство народовъ“ — вотъ знакъ, подъ которымъ проходитъ русская революція. Вотъ о чемъ реветъ ея потокъ. Вотъ музыка, которую имѣющій уши можетъ слышать.

Русскіе художники имѣли достаточно „предчувствій и предвѣстій“ для того, чтобы ждать отъ Россіи именно такихъ заданій. Они никогда не сомнѣвались въ томъ, что Россія — большой корабль, которому суждено большое плаваніе. Они, какъ и народная душа, ихъ

вспоившая, никогда не отличались расчетливостью, умѣренностью, аккуратностью: „все, все, что гибелью грозитъ“, таило для нихъ „неизъяснимы наслажденія“ (Пушкинъ). Чувство неблагополучія, незнаніе о завтрашнемъ днѣ, сопровождало ихъ повсюду. Для нихъ, какъ для народа, въ его самыхъ глубокихъ мечтахъ, было все, или ничего. Они знали, что только о прекрасномъ стоитъ думать, хотя „прекрасное трудно“, какъ училъ Платонъ.

Великіе художники русскіе — Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, Толстой — погружались во мракъ, но они же имѣли силы пребывать и таиться въ этомъ мракѣ: ибо они вѣрили въ свѣтъ. Они знали свѣтъ. Каждый изъ нихъ, какъ весь народъ, выносившій ихъ подъ сердцемъ, скрежеталъ зубами во мракѣ, отчаяніи, часто — злобѣ. Но они знали, что, рано или поздно, все будетъ по новому, потому что жизнь прекрасна.

Жизнь прекрасна. Зачѣмъ жить тому народу, или тому человѣку, который втайнѣ разувѣрился во всемъ? Который разочаровался въ жизни, живетъ у нея „на подаяніи“, „изъ милости“? Который думаетъ, что жить „не особенно плохо, но и не очень хорошо“, ибо „все идетъ своимъ путемъ“, путемъ... эволюціоннымъ: люди же такъ, вообще, плохи и несовершенны, что дай имъ только Богъ прокряхтѣть свой вѣкъ кое-какъ, сколачиваясь въ общества и государства, ограждаясь другъ отъ друга стѣнками правъ и обязанностей, условныхъ законовъ, условныхъ отношеній...

Такъ думать не стоитъ; а тому, кто такъ думаетъ, вѣдь и жить не стоитъ. Умереть легко; умирать можно безболѣзненно; сейчасъ въ Россіи, какъ никогда: можно даже безъ попа; попъ не обидитъ отпѣвальной взяткой...

Жить стоитъ только такъ, чтобы предъявлять безмѣрныя требованія къ жизни: все, или ничего; ждать не жданнаго; вѣрить — не въ „то, чего нѣтъ на

свѣтѣ“, а въ то, что должно быть на свѣтѣ; пусть сейчасъ этого нѣтъ, и долго не будетъ. Но жизнь отдастъ намъ это, ибо она — прекрасна.

Смертельная усталость смѣняется животной бодростью. Послѣ крѣпкаго сна приходятъ свѣжія, умытыя сномъ мысли; среди бѣла дня, онѣ могутъ показаться дурацкими, эти мысли. Лжетъ бѣлый день.

Надо же почуять, откуда плывутъ такія мысли. Надо вотъ сейчасъ понять, что народъ русскій, какъ Иванушка — дурачокъ, только что съ кровати схватился, и что въ его мысляхъ, для старшихъ братьевъ, если не враждебныхъ, то дурацкихъ, есть великая творческая сила.

Почему „учредилка“? (Между прочимъ, это вовсе не такъ обидно. У крестьянъ есть обычное — „потребилка“.) — Потому что мы сами рядили о „выборныхъ агитаціяхъ“, сами судили чиновниковъ за „злоупотребленія“ при этихъ агитаціяхъ; потому что самыя цивилизованныя страны (Америка, Франція) сейчасъ захлебнулись въ выборномъ мошенничествѣ, выборномъ взяточничествѣ.

Потому, что (я по дурацки) самому все хочется „проконтролировать“, самъ все хочу, не желаю, чтобы меня „представляли“ (въ этомъ великая жизненная сила: сила Фомы невѣрнаго); потому еще, что нѣкогда, въ многоколонномъ залѣ, раздастся трубный голосъ весьма сановнаго лица: „законопроектъ такой-то въ тридцать девятомъ чтеніи отклоняется“; въ этомъ трубномъ голосѣ будетъ такой тупой, такой страшный сонъ, такой громовой зѣвокъ „организованной общественности“, такой ужасъ безъ имени, что опять и опять наиболѣе чуткіе, наиболѣе музыкальные изъ насъ (русскіе, французы, нѣмцы — всѣ одинаково) бросятся въ „индивидуализмъ“, въ „бѣгство отъ общественности“, въ глухую и одинокую ночь. Потому, наконецъ, что Богъ одинъ вѣдаетъ, какъ выбирала, кого выбирала, куда выбирала неграмотная Россія сегодняшнаго

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА 07801

дня; Россія, которой нельзя втолковать, что Учредительное Собраніе — не царь.

Почему „долой суды“? — Потому, что есть томы „уложеній“ и томы „разъясненій“; потому, что — судья — баринъ и „аблакатъ“ — баринъ толкуютъ промежъ себя о „деликтѣ“; происходитъ „судоговореніе“; надъ несчастной головой жулика оно происходитъ. Жуликъ — онъ жуликъ и есть; ужъ согрѣшилъ, ужъ потерялъ душу; осталась одна злоба или однѣ покаянныя слезы: либо удрать, либо на каторгу; только бы съ глазъ долой. Чего же еще надъ нимъ, напакостившимъ, издѣваться?

Либеральнаго „аблаката“ описалъ Достоевскій; Достоевскаго при жизни травили, а послѣ смерти назвали „пѣвцомъ униженныхъ и оскорбленныхъ“. Описалъ еще то, о чемъ я говорю, Толстой. А кто обносилъ рѣшеточкой могилу этого чудака? Кто теперь голоситъ о томъ, какъ бы надъ этой могилой не „надругались“? А почемъ вы знаете, можетъ быть, радъ бы былъ Левъ Николаевичъ, еслибъ на его могилѣ поплевали и побросали окурковъ? Плевки — Божьи, а рѣшеточка — не особенно.

Почему дырявятъ древній соборъ? Потому что сто лѣтъ здѣсь ожирѣвшій попъ, икая, бралъ взятки и водкой торговалъ.

Почему грабятъ въ любезныхъ сердцу барскихъ усадьбахъ? — Потому, что тамъ насиловали и пороли дѣвокъ: не у того барина, такъ у сосѣда.

Почему валятъ столѣтніе парки? Потому, что сто лѣтъ подъ ихъ развѣсистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали въ носъ нищему — мошной, а дураку — образованностью.

Все — такъ.

Я знаю, что говорю. Конемъ этого не объѣдешь. Замалчивать этого нѣтъ возможности; а всѣ, однако, замалчиваютъ.

Я не сомнѣваюсь ни въ чьемъ личномъ благородствѣ, ни въ чьей личной скорби; но вѣдь за прошлое — отвѣчаемъ мы? Мы — звенья единой цѣпи. Или на насъ не лежатъ грѣхи отцовъ? Если этого не чувствуютъ всѣ, то это должны чувствовать „лучшіе“.

Не безпокойтесь. Неужели можетъ пропасть хоть крупинка истинно цѣннаго? Мало мы любили, если трусимъ за любимое. „Совершенная любовь изгоняетъ страхъ.“ Не бойтесь разрушенія кремлей, дворцовъ, картинъ, книгъ. Беречь ихъ для народа надо; но потерявъ ихъ, народъ не все потеряетъ. Дворецъ разрушаемый — не дворецъ, Кремль, стираемый съ лица земли — не кремль. Царь, самъ свалившійся съ престола — не царь. Кремли у насъ въ сердцѣ, цари — въ головѣ. Вѣчныя формы, намъ открывшіяся, отнимаются только вмѣстѣ съ сердцемъ и съ головой.

Что же вы думали? Что революція — идиллія? Что творчество ничего не разрушаетъ на своемъ пути? Что народъ — паинька? Что сотни обыкновенныхъ жуликовъ, провокаторовъ, черносотенцовъ, людей, любящихъ погрѣть руки, не постараются ухватить то, что плохо лежитъ? И, наконецъ, что такъ „безкровно“ и такъ „безболѣзненно“ и разрѣшится вѣковая распря между „черной“ и „бѣлой“ костью, между „образованными“ и „необразованными“, между интеллигенціей и народомъ?

Не васъ ли надо будить теперь отъ „вѣкового сна“? Не вамъ ли надо крикнуть: „noli tangere circulos meos“? Ибо вы мало любили, а съ васъ много спрашивается, больше, чѣмъ съ кого-нибудь. Въ васъ не было этого хрустальнаго звона, этой музыки любви, вы оскорбляли художника — пусть художника, но черезъ него вы оскорбляли самую душу народную. Любовь творитъ чудеса, музыка завораживаетъ звѣрей. А вы (всѣ мы) жили безъ музыки и безъ любви. Лучше ужъ молчать сейчасъ, если нѣтъ музыки, если не слышать

музыки. Ибо все, кромѣ музыки, все, что безъ музыки, всякая „сухая матерія“ — сейчасъ только разбудитъ и озлитъ звѣря. До человѣка безъ музыки сейчасъ достучаться нельзя.

А лучшіе люди говорятъ: „Мы разочаровались въ своемъ народѣ“; лучшіе люди ехидничаютъ, надмеваются, злобствуютъ, не видятъ вокругъ ничего, кромѣ хамства и звѣрства (а человѣкъ тутъ рядомъ); лучшіе люди говорятъ даже: „никакой революціи и не было“; тѣ, кто мѣста себѣ не находилъ отъ ненависти къ „царизму“, готовы опять броситься въ его объятія, только бы забыть то, что сейчасъ происходитъ; вчерашніе „интернаціоналисты“ — плачутся о „Святой Руси“; безбожники отъ рожденія готовы ставить свѣчки, молясь объ одолѣніи врага внѣшняго и внутренняго.

Не знаю, что страшнѣе: красный пѣтухъ и самосуды въ одномъ станѣ, или эта давящая немузыкальность — въ другомъ.

Я обращаюсь вѣдь къ „интеллигенціи“, а не къ „буржуазіи“. Той никакая музыка, кромѣ фортепьянъ, и не снилась. Для той все очень просто: „въ ближайшемъ будушемъ наша возьметъ“, будетъ „порядокъ“, и все — по старому; гражданскій долгъ заключается въ томъ, чтобы беречь добро и шкуру; пролетаріи — „мерзавцы“; слово „товарищъ“ — ругательное; свое уберегъ — и сутки прочь; можно и посмѣяться надъ дураками, задумавшими всю Европу взбаламутить, потрясти брюхомъ, благо удалось урвать гдѣ-нибудь лишній кусокъ.

Съ этими не поспоришь, ибо дѣло ихъ безспорное: брюшное дѣло. Но вѣдь это — „полупросвѣщенные“ или совсѣмъ „непросвѣщенные“ люди; слыхали они развѣ только о томъ, что нахрюкали имъ въ семьѣ и школѣ. Что нахрюкали, то и спрашивается:

Семья: „Слушайся папу и маму.“ „Прикапливай деньги къ старости.“ „Учись, дочка, играть на роялѣ,

скоро замужъ выйдешь.“ „Не играй, сынокъ, съ уличными мальчишками, чтобы не опорочить родителей и не изорвать пальто.“

Низшая школа: „Слушайся наставниковъ и почитай директора.“ „Ябедничай на скверныхъ мальчишекъ.“ „Получай лучшія отмѣтки.“ „Будь первымъ ученикомъ.“ „Будь услужливъ и угодливъ.“ „Паче всего — Законъ Божій.“

Средняя школа: „Пушкинъ — наша національная гордость.“ „Пушкинъ обожалъ царя.“ „Люби царя и отечество.“ „Если не будете исповѣдываться и причащаться, вызовутъ родителей и сбавятъ за поведеніе.“ „Замѣчай за товарищами, не читаетъ ли кто запрещенныхъ книгъ.“ „Хорошенькая горничная — гы.“

Высшая школа: „Вы — соль земли.“ „Существованіе Бога доказать невозможно.“ „Человѣчество движется по пути прогресса, а Пушкинъ воспѣвалъ женскія ножки.“ „Вамъ еще рано принимать участіе въ политической жизни.“ „Царю показывайте кукишъ въ карманѣ.“ „Замѣтьте, кто говорилъ на сходкѣ.“

Государственная служба: „Врагъ внутренній есть студентъ.“ „Бабенка недурна.“ „Я тебѣ покажу, какъ разсуждать.“ „Сегодня пріѣдетъ его превосходительство — всѣмъ быть на мѣстахъ.“ „Слѣдите за Ивановымъ и доложите мнѣ.“

Что спрашивать съ того, кто все это добросовѣстно слушалъ, и кто всему этому повѣрилъ? Но, вѣдь, интеллигенты, кажется, „переоцѣнили“ всѣ эти цѣнности? Имъ приходилось вѣдь слышать и другія слова? Вѣдь ихъ просвѣщали наука, искусство и литература? Вѣдь они пили изъ источниковъ не только загаженныхъ, но также — изъ источниковъ прозрачныхъ и головокружительно бездонныхъ, куда взглянуть опасно, и гдѣ вода поетъ неслыханныя для непосвященныхъ пѣсни?

У буржуа — почва подъ ногами опредѣленная, какъ у свиньи — навозъ: семья, капиталъ, служебное по-

ложеніе, орденъ, чинъ, Богъ на иконѣ, царь на тронѣ. Вытащи это — и все полетитъ вверхъ тормашками.

У интеллигента, какъ онъ всегда хвалился, такой почвы никогда не было. Его цѣнности невещественны. Его царя можно отнять только съ головой вмѣстѣ. Умѣніе, знаніе, методы, навыки, таланты — имущество кочевое и крылатое. Мы бездомны, безсемейны, безчинны, нищи — что же намъ терять?

Стыдно сейчасъ надмеваться, ухмыляться, плакать, ломать руки, ахать надъ Россіей, надъ которой пролетаетъ революціонный циклонъ.

Значитъ, рубили тотъ сукъ, на которомъ сидѣли? Жалкое положеніе: со всѣмъ сладострастіемъ ехидства подкладывали въ кучу отсырѣвшихъ подъ снѣгами и дождями корягъ — сухія полѣшки, стружки, щепочки; а когда пламя вдругъ вспыхнуло и взвилось до неба (какъ знамя), — давай бѣгать кругомъ и кричать: Ахъ, ахъ, сгоримъ!

Я не говорю о политическихъ дѣятеляхъ, которымъ „тактика“ и „моментъ“ не позволяютъ показывать душу. Думаю, не такъ ужъ мало сейчасъ въ Россіи людей, у которыхъ на душѣ весело, которые хмурятся по обязанности.

Я говорю о тѣхъ, кто политики не дѣлаетъ, о писателяхъ, напримѣръ (если дѣлаютъ, то грѣшатъ противъ самихъ себя, потому что „за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь“; политики не сдѣлаютъ, а свой голосъ потеряютъ). Я думаю, что не только право, но и обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы быть нетактичными, „безтактными“: слушать ту великую музыку будущаго, звуками которой наполненъ воздухъ, и не выискивать отдѣльныхъ визгливыхъ и фальшивыхъ нотъ въ величавомъ ревѣ и звонѣ мірового оркестра.

Русской интеллигенціи точно медвѣдь на ухо наступилъ: мелкіе страхи, мелкія словечки. Не стыдно ли издѣваться надъ безграмотностью какихъ-нибудь объявленій или писемъ, которыя писаны доброй, но неуклюжей рукой? Не стыдно ли гордо отмалчиваться на „дурацкіе“ вопросы? Не стыдно ли прекрасное слово „товарищъ“ произносить въ ковычкахъ?

Это — всякій лавочникъ умѣетъ. Этимъ можно только озлобить человѣка и разбудить въ немъ звѣря.

Какъ аукнется — такъ и откликнется. Если считаете всѣхъ жуликами, то одни жулики къ вамъ и придутъ. На глазахъ — сотни жуликовъ, а за глазами — милліоны людей, пока „непросвѣщенныхъ“, пока „темныхъ“. Но просвѣтятся они не отъ васъ.

Среди нихъ есть такіе, которые сходятъ съ ума отъ самосудовъ, не могутъ выдержать крови, которую пролили въ темнотѣ (своей); такіе, которые бьютъ себя кулаками по несчастной головѣ: мы глупые, мы понять не можемъ; а есть и такіе, въ которыхъ еще спятъ творческія силы; они могутъ въ будущемъ сказать такія слова, какихъ давно не говорила наша усталая, несвѣжая и книжная литература.

Надменное политиканство — великій грѣхъ. Чѣмъ дольше будетъ гордиться и ехидствовать интеллигенція, тѣмъ страшнѣе и кровавѣе можетъ стать кругомъ. Ужасна и опасна эта эластичная, сухая, невкусная „адогматическая догматика“, приправленная снисходительной душевностью. За душевностью — кровь. Душа кровь притягиваетъ. Бороться съ ужасами можетъ лишь духъ. Къ чему загораживать душевностью пути къ духовности? Прекрасное и безъ того трудно.

А духъ есть музыка. Демонъ нѣкогда повелѣлъ Сократу слушаться духа музыки.

Всѣмъ тѣломъ, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ сознаніемъ — слушайте Революцію.

„РЕЛИГІОЗНЫЯ ИСКАНІЯ“ И НАРОДЪ.

(1909—1916 г.г.)

Реакція, которую намъ выпало на долю пережить, закрыла отъ насъ лицо проснувшейся было жизни. Передъ глазами нашими — нѣсколько поколѣній, отчаявшихся въ своихъ лучшихъ надеждахъ. Рѣдко, даже среди молодыхъ, можно было встрѣтить человѣка, который не тоскуетъ смертельно, прикрывая лицо свое до тошноты надоѣвшей гримасой изнѣженности, утонченности, исключительнаго себялюбія.

Иначе говоря, почти не видишь вокругъ себя настоящихъ людей, хотя и вѣришь, что въ каждомъ встрѣчномъ есть запуганная душа, которая могла бы, если бы того захотѣла, стать очевидной для всѣхъ. Но люди не хотятъ становиться очевидными, все еще притворяются, что имъ есть, что терять. Это понятно для тѣхъ, у кого еще не перержавѣли цѣпи всяческихъ „отношеній“, чье сознаніе еще смутно. Но это преступно у тѣхъ, кто помнитъ, что онъ родился въ глухую ночь, увидалъ сіяніе одной звѣзды и простеръ руки къ ней, и къ ней одной.

Вся жизнь для такого человѣка — темная музыка, звучащая только объ одной звѣздѣ. Для враговъ онъ — „идіотъ“, „свихнувшійся“; для друзей — порою досадный „однодумъ“. Это ему надо понять: вѣдь онъ — непріятное недоразумѣніе, онъ никому въ мірѣ не можетъ угодить, ибо ничему въ мірѣ, кромѣ увидѣнной имъ звѣзды, не предана его душа.

Если онъ пойметъ это, — пойметъ и то, за что и почему его гонятъ; и пусть гонятъ!

Если нѣтъ — онъ предатель, тайный прелюбодѣй, всеобщій примиритель, „карьеристъ“. Пускай бы это было преступленіемъ противъ себя самого только: мало ли мошенниковъ на свѣтѣ! Но это — преступленіе не только личное: онъ убиваетъ въ себѣ ту страсть своей души, ту ея преданность, ту ея обреченность, которая могла бы стать въ одну изъ черныхъ ночей путеводнымъ заревомъ для другихъ заблудившихся людей.

Говорю я особенно о писателяхъ: объ эстетахъ, уставшихъ еще до начала своей карьеры; объ эстетахъ младшаго поколѣнія по преимуществу; о тѣхъ, кому неугодно сознать, что жизнь ихъ должна быть сплошнымъ мучительствомъ — тайнымъ и явнымъ; должно имъ исколоть себѣ руки обо всѣ шипы на стебляхъ красоты; нельзя имъ отдыхать на розовомъ ложѣ, чужими руками, не ихъ руками для нихъ разостланномъ. Они должны знать, что они отвѣтственны, потому что одарены талантами.

Если они — поэты-лирики, ихъ должно мучить ихъ одинокое болото, освѣщенное розовой зорькой; если беллетристы — марксисты ли, народники ли — пусть помнятъ, что никто изъ нихъ до сей поры не указалъ, какъ быть съ рабочимъ и мужикомъ, который вотъ сейчасъ, сію минуту, спрашиваетъ, какъ быть; если они драматурги, пусть знаютъ, что еще ни одна изъ современныхъ драмъ не освѣтила по настоящему будней жизни, не принесла „очищеній“.

Мнѣ скажутъ, что я говорю о невозможномъ, о томъ, о чемъ давно пора забыть, что я наивенъ, что литература давно перестала играть въ жизни ту роль, какую играла когда-то. Возраженій много, они извѣстны; но я все таки говорю именно такъ, только о великомъ стоитъ думать, только большія заданія долженъ ставить себѣ писатель; ставить смѣло, не смущаясь своими личными малыми силами; писатель

вѣдь — звено безконечной цѣпи; отъ звена къ звену надо передавать свои замыслы, свои надежды, пусть не свершившіяся, свои замыслы, пусть не довершенные.

Если тѣ писатели и интеллигенты, о которыхъ я говорю, „представители религіозно-философскаго сознанія“, то они должны были бы мучиться больше всѣхъ: тѣмъ, что они уже нѣсколько лѣтъ возвѣщали съ каѳедры религіозно-философскихъ собраній гордыя истины, что они самоувѣренно поучали, надменно ехидствовали, сладострастно полемизировали съ туполобыми попами.

Теперь они опять возобновили свою болтовню; но всѣ эти образованные и обозленные интеллигенты, посѣдѣвшіе въ спорахъ о Христѣ, ихъ супруги и свояченицы въ приличныхъ кофточкахъ, многодумные философы и лоснящіеся отъ самодовольства попы, знаютъ, что за дверями стоятъ нищіе духомъ, которымъ нужны дѣла... Вмѣсто дѣлъ — уродливое мелканіе словъ. Тоненькій священникъ въ бѣдной рясѣ выкликаетъ Іисуса — и всѣмъ неловко, „неприлично“ — переглядываются. Честный соціалъ-демократъ съ шишковатымъ лбомъ злобно бросаетъ десятки вопросовъ; въ отвѣтъ — лысина, елеемъ помазанная: нельзя, дескать, сразу отвѣтить на столько вопросовъ. Все это становится уже модным, доступнымъ для приватъ-доцентскихъ женъ и для благотворительныхъ дамъ.

А на улицѣ — вѣтеръ, проститутки мерзнутъ, люди голодаютъ, ихъ вѣшаютъ; а въ странѣ — „реакція“; а въ Россіи жить трудно, холодно, мерзко. Да хоть бы всѣ эти болтуны въ лоскъ исхудали отъ своихъ исканій, никому на свѣтѣ, кромѣ „утонченныхъ натуръ“, ненужныхъ, — ничего въ Россіи бы не убавилось и не прибавилось!

Что и говорить, хорошо сказалъ красивый анархистъ, что нужна „перманентная революція“; хорошо подмигнулъ дамочкамъ молодой попъ; хорошо резюмировалъ пренія философъ. Но вѣдь они го-

ворятъ о Богѣ, о томъ, о чемъ можно плакáть одному, или... мало ли какъ; но не въ этой безобразной, разваливающейся людской кашѣ, не при этомъ обиліи электрическаго свѣта! Это — тоже, своего рода, потеря стыда; лучше бы ничѣмъ не интересовались и никакихъ „религіозныхъ“ сомнѣній не знали, если не умѣютъ молчать и такъ смертельно любятъ соборно посплетничать о Христѣ.

Развѣ у Мережковскаго „религіозно-философская“ извѣстность? Нѣтъ, вѣдь и самъ онъ до послѣднихъ лѣтъ не забывалъ, что онъ — художникъ; кто не знаетъ теперь о его „религіозномъ холодѣ“ (изъ тѣхъ, кто вообще что-либо объ этомъ слышалъ)? А „Юліана“ и „Леонардо“ перечитывать еще будутъ. Также и Розановъ дорогъ отнюдь не своей нововременской „религіозно-философской“ дѣятельностью, а своимъ тайнымъ и тяжкимъ однодумьемъ.

Мало сказать, что съ религіозныхъ собраній уходишь съ чувствомъ неудовлетворенности; есть еще чувство грызущей скуки, озлобленія на всю неумѣстность происходившаго, оскорбленія за красоту, за безобразность. Между романами Мережковскаго, нѣкоторыми книгами Розанова и ихъ религіозно-философскими докладами — глубокая пропасть. Это — своего рода словесный кафе-шантанъ, и не я одинъ предпочту ему кафе-шантанъ обыкновенный, гдѣ сквозь скуку прожжетъ порою „буйное веселье, страстное похмѣлье“.

Право, человѣкъ естественный, здоровый, „провинціалъ“, положимъ, непремѣнно прямо съ этихъ самыхъ религіозныхъ собраній уходитъ въ кафе-шантанъ, и притомъ — въ большой кампаніи: чтобы жизнь, насильственно на два-три часа остановленная, безболѣзненно возстановилась, чтобы совершился переходъ ко сну; и то еще изъ-за оживленной и непритязательной мордочки какой-нибудь Марты, всплыветъ ненарокомъ — тьфу ты, пропади пропадомъ — ка-

кое-нибудь „одухотворенное“, а то и просто духовное лицо.

Что же, просвѣщайтесь, интеллигенты; не думайте только, что „простой человѣкъ“ придетъ говорить съ вами о Богѣ. Мы поглядимъ на васъ и на ваши серьезныя „исканія“; поглядимъ, да и выплеснемъ — нѣтъ-нѣтъ — на васъ немножко винной лирической пѣны: вытирайте лысины, какъ знаете...

Ахъ я, хулиганъ, хулиганъ! — Вѣдь всѣ сбились съ панталыку, всѣ скучаютъ отъ бездѣлія. Дрянны всѣ факты интеллигентской жизни этого года; и прения съ попами, въ томъ числѣ; это лишь — одинъ изъ видовъ самоуслажденія — и не самый кощунственный.

Да и что могутъ сказать русскіе интеллигенты Столыпину и синоду. Даже за бездарныя слова имъ заткнутъ ротъ, и, надо отдать справедливость, крѣпкой пробкой: еще лѣтъ на десять хватитъ. Право, не смѣшно, а больно смотрѣть на человѣка, который все еще пытается бунтовать (на словахъ правда), а ему все время затыкаютъ ротъ. Да и унизительно это для человѣка; ужъ лучше бы помолчали.

Я не говорилъ бы обо всемъ этомъ, если бы не имѣлъ въ запасѣ противоположныхъ примѣровъ: примѣровъ мучительныхъ, но и поучительныхъ для всѣхъ насъ. Всѣ эти примѣры, какъ нарочно, исходятъ отъ людей, не носящихъ сюртуковъ и смокинговъ, не гримасничающихъ благородной скукой и утонченностью гнилого дворянства, пишущихъ совсѣмъ не такъ, какъ всѣ мы, какихъ бы ни были лагерей, Богъ насъ разберетъ.

Вотъ что пишетъ мнѣ крестьянинъ сѣверной губерніи, начинающій поэтъ. Слова его письма кажутся мнѣ золотыми словами:

„Простите мою дерзость, пишетъ онъ, но мнѣ кажется, что, если бы у нашего брата было время для рожденія образовъ, то они не уступали бы вашимъ.

Такъ много вмѣщаетъ грудь строительныхъ началъ, такъ ярко чувствуется великое окрылѣніе! ... И хочется встать высоко надъ міромъ, выплакать тяготѣніе тьмы огненно-звѣздными слезами, и, подъявъ кропило очищенія, окропить кровавую землю.“

„Вы — господа чуждаетесь насъ, но знайте, что много насъ, неутоленныхъ сердцемъ, и что темны мы только, если на насъ посмотрѣть съ высоты, когда все, что внизу, кажется однородной массой, но крошка искренности, и изъ массы выступаютъ ясныя очертанія сыновъ человѣческихъ. Ихъ души, подобныя яспису и сардонису, ихъ ребра, готовыя для прободенія“ ...

„Нашъ братъ вовсе не дичится ‚васъ‘, а попросту завидуетъ и ненавидитъ, а если и терпитъ вблизи себя, то только до тѣхъ поръ, покуда отъ ‚васъ‘ какой либо прибытокъ.“

„О, какъ неистово страданіе отъ ‚вашего‘ присутствія, какое безконечно окаянное горе сознавать, что безъ ‚васъ‘ — пока не обойдешься! Это то сознаніе и есть то ‚горе-гореваньице‘ — тоска злючая-клевучая, кручинушка злая-безпросвѣтная, про которую писали Никитинъ, Суриковъ, Некрасовъ, отчасти Пушкинъ и др. Сознаніе, что безъ ‚васъ‘ — пока не обойдешься, есть единственная причина нашего духовнаго съ ‚вами‘ несближенія, и рѣдко, рѣдко встрѣчаются случаи холопской вѣрности нянь или денщиковъ, уже достаточно развращенныхъ господской передней.“

„Всѣ древніе и новые примѣры крестьянскаго бѣгства въ скиты, въ лѣса-пустыни, есть показатель упорнаго желанія отдѣлаться отъ духовной зависимости, скрыться отъ дворянскаго вездѣсущія. Сознаніе, что ‚вы‘ вездѣ, что ‚вы‘ можете, а мы должны, вотъ необоримая стѣна несближенія съ нашей стороны. Какія же причины съ ‚вашей‘? Кромѣ глубокаго презрѣнія и чисто-тѣлесной брезгливости — никакихъ.“

„У прозрѣвшихъ изъ ‚васъ‘ есть оправданіе, что нельзя заразъ передѣлаться, какъ пишете вы, и это ложь, особенно въ вашихъ устахъ — такъ мнѣ хочется вѣрить. Я чувствую, что вы, зная великіе примѣры мученичества и славы, великія произведенія человѣческаго духа, обманываетесь въ себѣ... Изъ вашихъ словъ можно заключить, что милліоны лѣтъ человѣческой борьбы и страданія прошли безслѣдно для тѣхъ, кто имѣетъ на стѣнѣ нѣсколько дворянскихъ поколѣній.“

Что можно отвѣтить на эти слова, заключающія въ себѣ столь безпощадную правду? Какъ оправдаться?

Я думаю, что оправдаться нельзя. Вотъ такъ, какъ написано въ этомъ письмѣ, обстоитъ дѣло въ Россіи, которую мы видимъ изъ окна вагона желѣзной дороги, изъ-за забора помѣщичьяго сада, да съ пахучихъ клеверныхъ полей, которыя еще Фетъ любилъ обходить въ прохладные вечера, при этомъ „минуя деревни“.

А въ обѣихъ столицахъ Россійской имперіи дѣло обстоитъ иначе. Здѣсь устраиваются религіозныя словопренія и вечера „свободной эстетики“; режиссеры взапуски проваливаютъ сомнительныя и несомнѣнно никуда негодныя сценическія произведенія; литераторы ссорятся и сплетничаютъ; чиновники служатъ — изъ пятаго въ десятое, и т. д.

Въ то время, какъ литература наша вступаетъ въ періодъ „комментаріевъ“ (или проще количество критическихъ разговоровъ несравненно превышаетъ количество литературныхъ произведеній), въ то время, какъ мы въ интеллигентскихъ статьяхъ ежедневно мѣняемъ свои мнѣнія и воззрѣнія и болтаемъ, — въ Россіи растетъ одно грозное и огромное явленіе. Корни его — не въ одномъ „императорскомъ періодѣ“, на которомъ всѣ мы, начиная съ Достоевскаго, помѣшались, въ вѣкахъ гораздо раннихъ. Явленіе это — „сектанство“, какъ мы привыкли называть его; все

мы привыкли называть, надо всѣмъ ставить кавычки; отбросьте кавычки, раскройте смыслъ, докопайтесь до корня. И выйдетъ, что слово это мы, какъ сотни другихъ словъ, произносимъ для собственнаго успокоенія; его коренной смыслъ — широкъ, грозенъ, слово это — пламенное слово.

Принято у насъ интересоваться „сектанствомъ“ только людямъ „толстовскаго“ толка: позволено это Наживину, Бирюкову, Пругавину. Едва ли особенно ласкали своимъ вліяніемъ это „явленіе русской жизни“ такіе люди, какъ Мережковскій, какъ и вообще — люди „высокой культуры“, очень „образованные“.

Отношеніе „образованныхъ“ людей къ религіозной жизни народа очень остроумно и злостно опредѣлилъ Толстой: „отношеніе это похоже на отношеніе лакея къ своему хозяину, ученому математику. Хозяинъ пишетъ на доскѣ какія то цифры, буквы, ставитъ радикалы, знаки равенства, плюсы, минусы, а лакей смотритъ и думаетъ: ‚Какъ нескладно у него все это выходитъ, я напишу куда лучше‘. И вотъ, когда хозяинъ, рѣшивъ задачу, уходитъ, лакей стираетъ все написанное имъ съ доски, и самъ начинаетъ старательно выводить и буквы, и плюсы, и радикалы, и цифры. Все это выходитъ у него много красивѣе, чѣмъ у хозяина, но — не имѣетъ никакого смысла.“

Цитирую я пятикопѣечную брошюру, изданную „Посредникомъ“ (И. Наживинъ. „Что такое сектанты и чего они хотятъ“). Въ этихъ пятикопѣечныхъ брошюрахъ случается находить иногда больше полезнаго, нежели въ толстыхъ и дорогихъ книгахъ и журналахъ. Есть въ нихъ, напримѣръ, описаніе тѣхъ страшныхъ пытокъ, которымъ подвергали т. н. „сектантовъ“. Многіе ли изъ аристократическихъ интеллигентовъ нашихъ дней выдержатъ сибирскія пытки? Всѣ почти издохнутъ подъ первой плетью, сами сгноили себя — свои мускулы, свою волю — на религіозныхъ собраніяхъ и на вечерахъ „свободной эстетики“.

НАРОДЪ И ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.

На первомъ собраніи религіозно-философскаго общества въ 1908 г. былъ прочитанъ докладъ Германа Баронова „О демотеизмѣ“ (обожествленіе народа въ „Исповѣди“ Максима Горькаго).

Бароновъ говоритъ: „Когда общественное возбужденіе улеглось, и рѣка общественной жизни вступила въ свои берега, на берегахъ осталось много сору. Этотъ соръ раздѣляется на „честный“ и „нечестный“. Къ „честному“ сору относятся только тѣ, кто самъ созналъ себя „соромъ“, кто томительно ищетъ живого Бога; къ „нечестному“ — вся та часть интеллигентнаго общества, которая прямо или косвенно склоняется на сторону той или другой партіи.“

Основываясь на нѣкоторыхъ цитатахъ изъ „Исповѣди“ Горькаго, Бароновъ отождествляетъ міровоззрѣніе этого писателя съ міровоззрѣніемъ соціалъ-демократовъ, въ частности, Луначарскаго; докладчикъ упрекаетъ Луначарскаго и Горькаго за то, что они обожествляютъ народъ, отождествляютъ религіозный процессъ съ процессомъ хозяйственнымъ, надѣваютъ „сѣдло религіи“ на „корову науки“.

Не опровергая положеній Баронова по существу и признавая всю важность затронутаго имъ вопроса, я хочу сначала опредѣлить свое воззрѣніе на творчество Горькаго (съ воззрѣніемъ Баронова несогласное) и перейти затѣмъ къ важнѣйшему для меня вопросу объ отношеніяхъ между интеллигенціей и народомъ. Эти отношенія представляются мнѣ не

только ненормальными, не только недолжными. Въ нихъ есть нѣчто жуткое, душа занимается страхомъ, когда внимательно приглядишься къ нимъ; страшно становится, когда интеллигентъ начинаетъ чувствовать себя „животнымъ общественнымъ“, какъ только сознаетъ онъ, что существуетъ нѣкоторая круговая порука среди „людей культуры“, что каждый членъ культурнаго общества, безъ различія партій, литературныхъ направленій или классовъ, представляетъ изъ себя одно изъ слагаемыхъ какого то цѣлаго. Это общественное чувство, перешедшее въ сознаніе, и заставляетъ интеллигента почувствовать отвѣтственность свою передъ цѣлымъ, хочетъ онъ или не хочетъ подойти къ вопросамъ о болѣзняхъ всероссійскихъ; и, мнѣ думается, да и сама дѣйствительность показываетъ, что насущнѣйшимъ изъ такихъ вопросовъ, является вопросъ объ „интеллигенціи“ и „народѣ“.

Бароновъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ одною фразой; его разрѣшеніе не удовлетворяетъ меня. Я хотѣлъ бы поставить вопросъ рѣзче и безпощаднѣе; это самый больной, самый лихорадочный для многихъ изъ насъ вопросъ. Боюсь даже, вопросъ ли это? Не свершается ли уже, пока мы говоримъ здѣсь, какое то страшное и безмолвное дѣло? Не обреченъ ли уже кто-либо изъ насъ безповоротно на гибель?

Но я — интеллигентъ, литераторъ, и оружіе мое — слово. Боясь словъ, я ихъ произношу. Боясь „словесности“, боясь „литературщины“, я жду, однако, отвѣтовъ словесныхъ; есть у всѣхъ насъ тайная надежда, что не вѣчна пропасть между словами и дѣлами, что есть слово, которое переходитъ въ дѣло.

Прежде всего — нѣсколько словъ о Горькомъ. Разсужденіе Баронова о „демотеизмѣ“ интересно, какъ критическій разборъ „Исповѣди“. Я думаю, что упреки, обращенные Бароновымъ къ Горькому, идутъ мимо Горькаго; не смотря на хорошій подборъ цитатъ, Баронову не удалось доказать „обожествленіе народа“

у Горькаго; ибо, если въ выводахъ своихъ Горькій соприкасается съ Луначарскимъ, то въ своихъ подходахъ къ дѣлу, въ размахѣ души, въ безсознательномъ — онъ безконечно дальше и выше Луначарскаго. Горькій — русскій художникъ, и Луначарскій — теоретикъ соціалъ-демократіи — неизмѣримыя величины.

Есть факты неоспоримые, но сами по себѣ не имѣющіе никакого значенія; напримѣръ: Бэконъ Веруламскій — взяточникъ, Спиноза — стекольщикъ, Гаршинъ — переплетчикъ, Горькій — соціалъ-демократъ. „Соціалъ-демократизмъ“ Горькаго говоритъ мнѣ гораздо меньше, чѣмъ, напримѣръ, землепашество Толстого или медицинская практика Чехова. Блѣдная повѣсть Горькаго „Мать“ — только одинъ изъ этаповъ его длиннаго и сложнаго пути отъ „Мальвы“ и „Челкаша“ къ „Исповѣди“.

Горькій никогда не былъ „догматиченъ“, ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ смыслѣ этого слова. Догматовъ теоретическихъ онъ всегда инстинктивно боялся; это дѣлаетъ его роднымъ всей русской литературѣ, которая всегда — отъ славянофила до западника, отъ общественника до эстета — питала нѣкоторую инстинктивную ненависть къ сухому и строгому мышленію, стремилась переплеснуться черезъ логику.

Отношеніе Горькаго къ догматамъ дурного, практическаго свойства, къ догматамъ быта общественнаго и государственнаго, слишкомъ извѣстно; многія выраженія его, вродѣ „строителей жизни“, стали выраженіемъ обиходнымъ, вошли въ поговорку.

Если свою „Исповѣдь“ Горькій и заканчиваетъ молитвой къ какому-то народу, то пафосъ его повѣсти лежитъ гораздо глубже. Вслѣдъ за всею русской литературой, Горькій отказывается проповѣдывать; онъ только смятенно ищетъ.

Если бы Горькій говорилъ о найденномъ Богѣ, совсѣмъ иначе звучалъ бы его голосъ. Онъ звучалъ бы торжественной хвалой. Но еще недавно Горькій

задыхался отъ злобы; если теперь присоединилось къ этой злобѣ какое-то иное чувство, которымъ и нова его послѣдняя повѣсть, то это никакъ не чувство человѣка, нашедшаго что-то, чего не нашли другіе. Въ этомъ чувствѣ нѣтъ пока ничего конкретнаго. Къ намъ Горькій неизмѣнно обращенъ лицомъ художника; мы сомнѣваемся, есть ли у него иное лицо. Именно таково мнѣніе широкой публики, которая вѣрила Горькому до тѣхъ поръ, пока онъ не ударился въ публицистику, и готова опять слушать его, когда онъ заговоритъ художественнымъ языкомъ.

Въ „Исповѣди“ слышится еще отзвукъ публицистической проповѣди; но онъ безмѣрно слабѣе основной, все возростающей ноты, и гораздо слабѣе, чѣмъ въ предыдущихъ произведеніяхъ. Вульгарная публицистика и наивная проповѣдь, можетъ быть, милая сердцу Горькаго, но ничего не говорящая намъ, уходитъ отъ него, какъ уходитъ отъ героя „Исповѣди“ монахиня, „черная, какъ обрывокъ тучи въ вѣтряный день“. Вмѣстѣ съ нею уходитъ его бездѣйственная злоба, проклятія, никуда не попавшія, которыя онъ произносилъ съ пѣной у рта. Очищается его глубокое и прозрачное, какъ рѣка, сердце, которому мы вѣримъ больше, чѣмъ разуму — случайнымъ обрывкамъ темныхъ облаковъ, пролетающихъ надъ рѣкой.

Вотъ почему возраженія Баронова не попадаютъ въ цѣль. Въ „Исповѣди“ Горькаго цѣнно въ дѣйствительности то, о чемъ Бароновъ молчитъ; цѣнно то, что роднитъ Горькаго не съ Луначарскимъ, а съ Гоголемъ; не съ духомъ современной „интеллигенціи“, но съ духомъ „народа“. Это и есть любовь къ Россіи въ цѣломъ, которую можетъ быть и обожествляетъ разумъ Горькаго, попавшаго въ тенета интеллигентскихъ противорѣчій и высокопарныхъ „боевыхъ“ фразъ, свойственныхъ Луначарскому; сердце же Горькаго тревожится и любитъ, не обожествляя, требовательно и сурово, по народному, какъ можно

любить мать, сестру и жену въ единомъ лицѣ родины — Россіи. Это конкретная, если можно такъ выразиться, „ограниченная“ любовь къ роднымъ лохмотьямъ, къ тому, что „не пойметъ и не замѣтитъ гордый взоръ иноплеменный“. Любовь эту знали Лермонтовъ, Тютчевъ, Хомяковъ, Некрасовъ, Успенскій, Полонскій, Чеховъ.

Я остановился на Горькомъ и на „Исповѣди“ его потому, что положеніе Горькаго исключительно и знаменательно; это писатель, вышедшій изъ народа, такихъ у насъ немного. Можетъ быть, болѣе чѣмъ кто-либо изъ современныхъ писателей, достойныхъ вниманія, Горькій запутался въ интеллигентствѣ, въ торопливыхъ, противорѣчивыхъ и отвлеченныхъ построеніяхъ; зато, можетъ быть, онъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ, кому не опасенъ ядъ этой торопливости и отвлеченности, у кого есть противоядіе, „хорошая кровь — вещество, изъ коего образуется гордая душа“.

„Хорошая кровь — вещество, изъ коего образуется гордая душа“, — внятно говоритъ отецъ Антоній въ „Исповѣди“ и смѣется. „Близость къ Богу отводитъ далеко отъ людей“, догадывается про себя герой повѣсти. „Неподвижны сомнѣнія этого человѣка, ибо мертвы они... да и зачѣмъ полумертвому Богъ?... Богъ есть сокъ твоей души, повторяю я, но спорить съ этимъ нужды не чувствую, — легкая мысль“, соображаетъ опять-таки про себя тотъ же герой „Исповѣди“.

Горькій всегда больше всего любилъ такихъ сдержанно смѣющихся людей „себѣ на умѣ“, умѣющихъ впору помолчать и впору ввернуть разрушительное словечко, притомъ непремѣнно обладающихъ большой физической силой, которая все время чувствуется. Поговорите съ такимъ человѣкомъ; никогда нѣтъ увѣренности, что онъ, вмѣсто словеснаго возраженія, не двинетъ попросту кулакомъ въ зубы или не

обругаетъ. Въ періодъ упадка, который пережилъ Горькій, его герои стали неожиданно сентиментальны; теперь они опять вернулись къ прежнему, къ молчанію и усмѣшкѣ „себѣ на умѣ“.

Что же, „свои“ это люди, или „не свои“?

Съ екатерининскихъ временъ проснулось въ русскомъ интеллигентѣ народолюбіе, и съ той поры не оскудѣвало. Собирали и собираютъ матеріалы для изученія „фольклора“; загромождаютъ книжные шкафы сборниками русскихъ пѣсенъ, былинъ, легендъ, заговоровъ, причитаній; изслѣдуютъ русскую миѳологію, обрядности, свадьбы и похороны; печалуются о народѣ; ходятъ въ народъ, исполняются надеждами и отчаиваются; наконецъ, погибаютъ, идутъ на казнь и на голодную смерть за народное дѣло. Можетъ быть, наконецъ, поняли даже душу народную; но какъ поняли? Не значитъ ли понять все, и полюбить все — даже враждебное, даже то, что требуетъ отреченія отъ самаго дорогого для себя — не значитъ ли это ничего не понять и ничего не полюбить?

Это — со стороны „интеллигенціи“. Нельзя сказать, чтобы она всегда сидѣла, сложа руки. Волю, сердце и умъ положила она на изученіе народа.

А съ другой стороны — та же все легкая усмѣшка, то же молчаніе „себѣ на умѣ“, та благодарность за „ученіе“, и извиненіе за свою „темноту“, въ которыхъ чувствуется „до поры, до времени“. Страшная лѣнь и страшный сонъ, какъ намъ всегда казалось; или же медленное пробужденіе великана, какъ намъ все чаще начинаетъ казаться. Пробужденіе съ какой-то усмѣшкой на устахъ. Интеллигенты не такъ смѣются, не смотря на то, что знаютъ кажется всѣ виды смѣха; но передъ усмѣшкой мужика, ничѣмъ не похожей на ту иронію, которой научили насъ Гейне и еврейство, на гоголевскій смѣхъ сквозь слезы, на соловьевскій хохотъ, — умретъ мгновенно всякій нашъ смѣхъ; намъ станетъ страшно и не по себѣ.

Дѣйствительно ли это все такъ, какъ я говорю, не придумано ли, не создано ли праздным воображеніемъ страшное раздѣленіе? Иногда сомнѣваешься въ этомъ, но кажется, это дѣйствительно такъ, т. е. есть дѣйствительно не только два понятія, но двѣ реальности: народъ и интеллигенція; полтораста милліоновъ съ одной стороны, и нѣсколько сотъ тысячъ — съ другой; люди, взаимно другъ друга непонимающіе въ самомъ основномъ.

Среди сотенъ тысячъ происходитъ торопливое броженіе, непрестанная смѣна направленій, настроеній, боевыхъ знаменъ. Надъ городами стоитъ гулъ, въ которомъ не разобраться и опытному слуху; такой гулъ, какой стоялъ надъ татарскимъ станомъ въ ночь передъ Куликовской битвой, какъ говоритъ сказаніе. Скрипятъ безчисленныя телѣги за Непрядвой, стоитъ людской вопль, а на туманной рѣкѣ тревожно плещутся и кричатъ гуси и лебеди.

Среди десятковъ милліоновъ царствуютъ, какъ будто, сонъ и тишина. Но и надъ станомъ Дмитрія Донского стояла тишина; однако заплакалъ воевода Бобровъ, припавъ ухомъ къ землѣ: онъ услышалъ, какъ неутѣшно плачетъ вдовица, какъ мать бьется о стремя сына. Надъ русскимъ станомъ полыхала далекая и зловѣщая зарница.

Есть между двумя станами — между народомъ и интеллигенціей — нѣкая черта, на которой сходятся и сговариваются тѣ и другіе. Такой соединительной черты не было между русскими и татарами, между двумя станами явно враждебными; но какъ тонка эта нынѣшняя черта — между станами враждебными тайно! Какъ странно и необычно схожденіе на ней! Какихъ только „племенъ, нарѣчій, состояній“ здѣсь нѣтъ! Сходятся рабочій, и сектантъ, и босякъ, и крестьянинъ

съ писателемъ и съ общественнымъ дѣятелемъ, съ чиновникомъ и съ революціонеромъ. Но тонка черта; по прежнему два стана не видятъ и не хотятъ знать другъ друга, по прежнему къ тѣмъ, кто желаетъ мира и сговора, большинство изъ народа и большинство изъ интеллигенціи относится какъ къ измѣнникамъ и перебѣжчикамъ.

Не такъ ли тонка эта черта, какъ туманная рѣчка Непрядва? Ночью, передъ битвой вилась она, прозрачная, между двухъ становъ; а въ ночь послѣ битвы, и еще семь ночей подрядъ, она текла, красная отъ русской и татарской крови.

На тонкой согласительной чертѣ между народомъ и интеллигенціей вырастаютъ подчасъ большіе люди и большія дѣла. Эти люди и эти дѣла всегда какъ бы свидѣтельствуютъ, что вражда исконна, что вопросъ о сближеніи не есть вопросъ отвлеченный, но практическій, что разрѣшать его надо какимъ-то особымъ, намъ еще неизвѣстнымъ путемъ. Люди, выходящіе изъ народа и являющіе глубины народнаго духа, становятся немедленно враждебны намъ; враждебны потому, что въ чемъ-то самомъ сокровенномъ непонятны.

Ломоносовъ, какъ извѣстно, былъ въ свое время ненавидимъ и гонимъ ученой коллегіей; народные сказатели представляются намъ забавной диковиной; начала славянофильства, имѣющія глубокую опору въ народѣ, всегда были роковымъ образомъ помѣхой „интеллигентскимъ“ началамъ; правъ былъ Самаринъ, когда писалъ Аксакову о „недоступной чертѣ“, существующей между „славянофилами“ и „западниками“. На нашихъ глазахъ интеллигенція, давшая Достоевскому умереть въ нищетѣ, относилась съ явной и тайной ненавистью къ Менделѣеву.

По своему она была права; между ними и ею была та самая „недоступная черта“ (пушкинское слово), которая опредѣляетъ трагедію Россіи. Эта трагедія за послѣднее время выразилась всего рѣзче въ не-

примиримости двухъ началъ — менделѣевскаго и толстовскаго; эта противоположность даже гораздо острѣе и тревожнѣе, чѣмъ противоположность между Толстымъ и Достоевскимъ, указанная Мережковскимъ.

Послѣднимъ знаменательнымъ явленіемъ на чертѣ, связующей народъ съ интеллигенціей, было явленіе Максима Горькаго. Еще разъ подтверждаетъ онъ, что страшно и непонятно то, что онъ любитъ и какъ онъ любитъ. Любитъ онъ ту же Россію, которую любимъ и мы, но иной и непонятной любовью. Его герои, въ которыхъ живетъ его любовь, — чужіе намъ; это — молчаливые люди „себѣ на умѣ“, съ усмѣшкой, сулящей неизвѣстное. Горькій по духу — не интеллигентъ; „мы“ любимъ одно, но разной любовью; и отъ разлагающихъ ядовъ „нашей“ любви, у него есть противоядіе — „здоровая кровь“.

Рефератъ Баронова, „литературный“ по преимуществу, говоритъ о томъ, что не надо обоготворять народъ; я думаю, мало людей, которые обоготворяютъ его; мы не дикари, чтобы творить божество изъ неизвѣстнаго и страшнаго. Но, если мы давно не поклоняемся народу, то мы не можемъ и отступиться или махнуть рукой: ибо искони тянутся туда наша любовь и наши помыслы.

Что же дѣлать?

„Не обоготворять народъ надо, а просто работать надъ нимъ, вытаскивать его (прежде всего, конечно, вытащить себя самого) изъ всероссійскаго трупнаго болота“, говоритъ Бароновъ.

Это и есть единственная сверхлитературная часть его доклада. Путей и способовъ дѣйствія здѣсь никакихъ не указано. Да путей этихъ, которыхъ только и ищетъ русская литература, и не можетъ указать одинъ человѣкъ.

„Нужно любить Россію, нужно проѣздиться по Россіи“, писалъ передъ смертью Гоголь. „Какъ полюбить братьевъ? Какъ полюбить людей? Душа

хочетъ любить одно прекрасное, а бѣдные люди такъ несовершенны, и такъ въ нихъ мало прекраснаго! Какъ же сдѣлать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы — русскій. Для русскаго теперь открывается этотъ путь, и этотъ путь — есть сама Россія. Если только возлюбитъ русскій Россію, — возлюбитъ и все, что ни есть въ Россіи. Къ этой любви насъ ведетъ теперь самъ Богъ. Безъ болѣзней и страданій, которыя въ такомъ множествѣ накопились внутри ея и которыхъ виною мы сами, не почувствовалъ бы никто изъ насъ къ ней состраданія. А состраданіе есть уже начало любви“ ... „Монастырь нашъ — Россія! Облеките же себя умственно рясой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нея, ступайте подвизаться въ ней. Она теперь зоветъ сыновъ своихъ еще крѣпче, нежели когда-либо прежде. Уже душа въ ней болитъ, и раздается крикъ ея душевной болѣзни. — Другъ мой! или у васъ безчувственно сердце, или вы не знаете, что такое для русскаго Россія!“

Понятны ли эти слова интеллигенту? Или ему и теперь кажутся они предсмертнымъ бредомъ, вызовутъ все тотъ же истерическій бранный крикъ, которымъ кричалъ на Гоголя Бѣлинскій, „отецъ русской интеллигенціи“.

Въ самомъ дѣлѣ, намъ непонятны слова о состраданіи, какъ началѣ любви, о томъ, что къ любви ведетъ Богъ, о томъ, что Россія — монастырь, для котораго нужно „умертвить всего себя для себя“. Непонятны, потому что мы уже не знаемъ той любви, которая рождается изъ состраданія, потому что вопросъ о Богѣ — кажется „самый нелюбопытный вопросъ въ наши дни“, какъ писалъ Мережковскій, и потому что для того, чтобы „умертвить себя“, отречься отъ самаго дорогого и личнаго, нужно знать, во имя чего это сдѣлать. То и другое, и третье непонятно для „человѣка девятнадцатаго вѣка“, о которомъ писалъ Гоголь, а, тѣмъ болѣе, для че-

ловѣка двадцатаго вѣка, передъ которымъ возрастаетъ только „одинъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста“... „Черствѣе и черствѣе становится жизнь... Все глухо, могила повсюду“ (Гоголь).

Или дѣйствительно, непереступима черта, отдѣляющая интеллигенцію отъ Россіи? Пока стоитъ такая застава, интеллигенція осуждена бродить, двигаться, вырождаться въ заколдованномъ кругѣ; ей незачѣмъ отрекаться отъ себя, пока она не вѣритъ, что есть въ такомъ отреченіи прямое жизненное требованіе. Не только отрекаться нельзя, но можно еще утверждать свои слабости — вплоть до слабости самоубійства. Что возражу я человѣку, котораго привели къ самоубійству требованія индивидуализма, демонизма, эстетики или, наконецъ, самое обыденное требованіе отчаянія и тоски, — если самъ я люблю эстетику, индивидуализмъ и отчаяніе, говоря короче, если самъ я интеллигентъ? Если во мнѣ самомъ нѣтъ ничего, что любилъ бы я больше, чѣмъ свою влюбленность индивидуалиста и свою тоску, которая какъ тѣнь, всегда и неотступно слѣдуетъ за такою влюбленностью?

Интеллигентныхъ людей, спасающихся положительными началами науки, общественной дѣятельности, искусства — все меньше; мы видимъ это и слышимъ объ этомъ каждый день. Это естественно, съ этимъ ничего не подѣлаешь. Требуется какое-то иное, высшее начало. Разъ его нѣтъ, оно замѣняется всяческимъ бунтомъ и буйствомъ, начиная отъ вульгарнаго „богоборчества“ декадентовъ и кончая непримѣтнымъ и откровеннымъ самоуничтоженіемъ — развратомъ, пьянствомъ, самоубійствомъ всѣхъ видовъ.

Въ народѣ нѣтъ ничего подобнаго. Человѣкъ, обрекающій себя на одно изъ перечисленныхъ дѣлъ, тѣмъ самымъ выходитъ изъ стихіи народной, становится интеллигентомъ по духу. Самой душѣ народной подобное дѣло до брезгливости противно. Если

интеллигенція все болѣе пропитывается „волею къ смерти“, то народъ искони носитъ въ себѣ „волю къ жизни“. Понятно въ такомъ случаѣ, почему и невѣрующій бросается къ народу, ищетъ въ немъ жизненныхъ силъ: просто — по инстинкту самосохраненія; бросается и наталкивается на усмѣшку и молчаніе, на презрѣніе и снисходительную жалость, на „недоступную черту“; а, можетъ быть, на нѣчто еще болѣе страшное и неожиданное.

Гоголь и многіе русскіе писатели любили представлять себѣ Россію, какъ воплощеніе тишины и сна; но этотъ сонъ кончается; тишина смѣняется отдаленнымъ и возрастающимъ гуломъ, непохожимъ на смѣшанный городской гулъ.

Тотъ же Гоголь представляетъ себѣ Россію летящей тройкой: „Русь, куда-жъ несешься ты? Дай отвѣтъ.“ Но отвѣта нѣтъ, только „чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ“. Тотъ гулъ, который возрастаетъ такъ быстро, что съ каждымъ годомъ мы слышимъ его яснѣй и яснѣй, и есть „чудный звонъ“ колокольчика тройки? Что, если тройка, вокругъ которой „гремитъ и становится вѣтромъ разорванный воздухъ“ — летитъ прямо на насъ? Бросаясь къ народу, мы бросаемся прямо подъ ноги бѣшеной тройкѣ, на вѣрную гибель.

Отчего насъ посѣщаютъ все чаще два чувства: самозабвеніе восторга и самозабвеніе тоски, отчаянія, безразличія? Скоро инымъ чувствамъ не будетъ мѣста. Не оттого ли, что вокругъ господствуетъ тьма. Каждый въ этой тьмѣ уже не чувствуетъ другого, чувствуетъ только себя одного. Можно уже представить себѣ, какъ бываетъ въ страшныхъ снахъ и кошмарахъ, что тьма происходитъ оттого, что надъ нами повисла косматая грудь коренника, и готовы опуститься тяжелыя копыта.

СТИХІЯ И КУЛЬТУРА.*)

На докладъ мой, озаглавленный „Народъ и интеллигенція“, было сдѣлано много возраженій, устныхъ и печатныхъ. То, о чемъ я буду говорить сегодня, представляетъ развитіе все той же темы.

Защищать себя отъ упрековъ я не хочу, но защищать свою тему буду. Если у самого меня дѣйствительно не хватило голоса (какъ сказалъ Д. С. Мережковскій), то тема моя, я въ этомъ увѣренъ, рано или поздно, погаситъ всѣ докучные партійные и личные споры.

Мои вопросы поставлены не мною — ихъ поставила исторія Россіи. На одинъ изъ поставленныхъ вопросовъ — о „недоступной чертѣ“, существующей между интеллигенціей и народомъ, отвѣтилъ утвердительно не я — отвѣтила исторія Россіи. Думаю, что споры о томъ, совершился или не совершился крупный и очевидный фактъ, свидѣтелями котораго были не только мы, но и предки наши — надо отнести къ спорамъ, возникающимъ по недоразумѣнію, по недовѣрію, по непониманію; или — къ спорамъ тактическаго свойства, выдерживающимъ критику въ стѣнахъ „третьихъ“ Думъ, но не на вольномъ воздухѣ жизни.

Я думаю, что въ сердцахъ людей послѣднихъ поколѣній залегло неотступное чувство катастрофы, вы-

---

*) Докладъ, читанный въ Петр. Религіозно-Философскомъ Обществѣ.

званное чрезмѣрнымъ накопленіемъ реальнѣйшихъ фактовъ, часть которыхъ — дѣло свершившееся, другая часть — дѣло, имѣющее свершиться. Совершенно понятно, что люди стремятся всячески заглушить это чувство, стремятся какъ бы отбить свою память, о чемъ-то не думать, что все идетъ своимъ путемъ, игнорировать факты, такъ или иначе напоминающіе о томъ, что уже было и что еще будетъ. Другіе, напротивъ, видятъ сны отъ „множества заботъ", какъ говоритъ Экклезіастъ; они суетливы во всѣхъ дѣлахъ своихъ, потому что мучатся воспоминаніемъ и не могутъ припомнить; въ каждомъ дѣлѣ своемъ они чувствуютъ, что за ними стоитъ что-то, что одно только можетъ разрѣшить сомнѣнія и муки; а безъ такого разрѣшенія — никакое дѣло не въ дѣло.

Словомъ, какъ будто современные люди нашли около себя бомбу; всякій ведетъ себя такъ, какъ велитъ ему его темпераментъ: одни вскрываютъ обойму, пытаясь разрядить снарядъ; другіе только смотрятъ, выпучивъ отъ страха глаза, и думаютъ, завертится она или не завертится, разорвется или не разорвется; третьи притворяются, что ровно ничего не произошло, что круглая штука, лежащая на столикѣ, вовсе не бомба, а такъ себѣ — большой апельсинъ, а все совершающееся — только чья-то милая шутка; четвертые, наконецъ, спасаются бѣгствомъ, все время стараясь устроиться такъ, чтобы ихъ не упрекнули въ нарушеніи приличій, или не уличили въ трусости.

Однако, никто не шутилъ, никто не хотѣлъ ни напугать, ни позабавить. Исторія, та самая исторія, которая, говорятъ, сводится попросту къ политической экономіи — взяла, да и положила намъ на столъ настоящую бомбу. И бомбу не простую, а усовершенствованную, вродѣ той сверлящей и образующей аккуратныя трещины пульки, которую англичане придумали для усмиренія индусовъ. Эта пулька уже приведена въ дѣйствіе; пока мы разсуждали о цѣльности и благополучіи, о безконечномъ прогрессѣ —

оказалось, что высверлены аккуратныя трещины между человѣкомъ и природой, между отдѣльными людьми, и, наконецъ, въ каждомъ человѣкѣ разлучены душа и тѣло, разумъ и воля.

И потому, хотимъ мы или не хотимъ, помнимъ или забываемъ — во всѣхъ насъ заложено чувство болѣзни, тревоги, катастрофы, разрыва. Это чувство разрыва никто не станетъ отрицать въ цѣломъ, но, чуть только попытаешься перевести его на конкретное — немедленно найдутся ярые отрицатели болѣзни и защитники своей цѣльности. Можно было быть заранѣе увѣреннымъ, что, какъ только заговоришь о разрывѣ между народомъ и интеллигенціей, найдутся люди, отрицающіе даже возможность разрыва, или, просто, переводящіе разговоръ на домашнія дѣла. Если заговоришь о томъ, что неблагополучно ни въ одной семьѣ, сейчасъ же найдется семьянинъ, который скажетъ, что онъ живетъ 25 лѣтъ въ мирѣ и согласіи съ женой и дѣтьми. Если скажешь, что наука безсильна передъ проваломъ южной Италіи, сейчасъ же поднимется геологъ и заявитъ, что въ Калабріи не отвердѣла земная кора, и что наука, если еще и не совсѣмъ побѣдила природу, то черезъ 3000 лѣтъ побѣдитъ.

Когда я оговорился, что есть, можетъ быть, часть интеллигенціи, не оторванная отъ народа, нѣкоторые мои оппоненты обрадовались чрезвычайно. Г. Чулковъ заявилъ печатно, что вся моя тема, въ сущности, совсѣмъ не объ интеллигенціи, а о декадентахъ, и что вся масса уѣздныхъ врачей, фельдшеровъ и проч. живетъ съ народомъ душа въ душу; но, стоило ли „огородъ городить“, если дѣло идетъ всего только о томъ, что декаденты отдѣлены отъ народа? И будто ужъ такъ благополучно живется уѣзднымъ врачамъ среди русскихъ мужиковъ? Откуда такой оптимизмъ? Неужели такъ существенна моя оговорка? Вѣдь исключенія подтверждаютъ правило; а счастливыми исключеніями, людьми, спо-

собными итти навстрѣчу народу (о которыхъ упоминалъ въ своемъ докладѣ А. Мейеръ), являются какъ разъ передовые люди, вдохновляемые своимъ трудомъ, стоящіе на честномъ посту, охраняющіе отъ врага своихъ невидимыхъ, спящихъ друзей.

Но бываетъ и бывало уже такъ, что всю ночь напролетъ стоитъ стража на башняхъ, охраняя сонъ своихъ. Наступаетъ утро, и уже одни только передовые посты оказываются налицо. Они стояли высоко, и думали высокую думу, но тѣхъ, во имя кого они не спали всю ночь, нѣтъ уже на лицѣ земли: ихъ похитила стихія — подземная, или — народная ночь. Астрономы наблюдали звѣзды изъ горныхъ обсерваторій, человѣческіе умы работали неустанно, и ни одна машина не ошиблась въ ту ночь, когда побережья южной Италіи стерлись съ лица земли.

Если бы тема моя была философской темой, или касалась политической злобы дня, я не имѣлъ бы права говорить такимъ языкомъ. Но тема моя — не философская и не политическая. Если я не исчерпываю всѣхъ вопросовъ, прилегающихъ къ ней, то она сама намѣчаетъ ихъ, какъ знаютъ это тѣ, кто дѣйствительно услыхалъ меня. Для того, чтобы отвѣчать на недоумѣнія противниковъ, я считаю себя въ правѣ не прибѣгать къ опредѣленію понятій, но считаю своимъ долгомъ развивать и углублять все ту же тему на своемъ языкѣ. Я долженъ восходить къ истокамъ той рѣки, къ бурному устью которой я пришелъ со стороны.

Когда я заговорилъ о разрывѣ между Россіей и интеллигенціей, болѣе всего поразилъ меня удивительный оптимизмъ большинства возраженій: до того удивительный, что приходитъ въ голову, не скрывается ли за нимъ самый отчаянный пессимизмъ? Говорилъ я о смерти, мнѣ отвѣчали, что болѣзнь излѣчима. Вспоминались слова умирающаго Ивана Ильича у Толстого: „дѣло не въ блуждающей почкѣ, а въ жизни и смерти“. Я говорилъ о расколѣ; мнѣ

говорили, что нѣтъ раскола, да и нечему раскалываться. Я говорилъ о томъ, что мы любимъ и ненавидимъ вмѣстѣ далекую отъ насъ Россію, набѣгающую гоголевскую тройку; мнѣ отвѣчали: „Мы сами — Россія“.

Страшно слышать: „Болѣзнь излѣчима, болѣзни нѣтъ, мы сами — все можемъ“. Когда ступишь ногой на муравейникъ, муравьи начинаютъ немедленно возстановлять разрушенное; черезъ нѣсколько часовъ имъ кажется, что никто не разрушалъ ихъ благополучія. Они — въ своей вѣчной работѣ, въ своемъ чувствѣ всепоправимости, въ ощущеніи вѣчнаго прогресса — какъ во снѣ. Въ такомъ же снѣ — бабочка, танцующая у пламени свѣчи. Въ томъ же предсмертномъ снѣ можно завести веселый хороводъ вокругъ кратера вулкана. Работаютъ, поютъ, ведутъ міровые хороводы — во снѣ, въ самозабвеніи, въ хмелю.

Такой же великій сонъ и разымчивый хмель — сонъ и хмель безконечной культуры. Говоря терминомъ Ницше, — „аполлинический сонъ“. Всякій сонъ характеризуется тѣмъ, что все происходитъ въ немъ по какимъ-то чуть-чуть измѣненнымъ, нездѣшнимъ, неземнымъ, нелюдскимъ законамъ. Напримѣръ, по муравьинымъ законамъ, солнце восходитъ и солнце заходитъ, идетъ гроза, уходитъ гроза — а муравейникъ растетъ. Можно увидать себя во снѣ муравьемъ: строю, строю муравейникъ, лѣзу за хвоей на тонкую елку, вѣтеръ покачнулъ елку — я падаю на землю, но немедленно начинаю взбираться опять. И такъ безъ конца, безъ конца. И, наконецъ — проснуться, и обрадоваться, что ты не муравей, а человѣкъ, что у тебя есть свободная воля.

Цвѣтъ интеллигенціи, цвѣтъ культуры пребываетъ въ вѣчномъ аполлиническомъ снѣ, или въ муравьиномъ снѣ. Это — безконечное и упорное строительство съ пѣной у рта, съ паденіями. Одинъ сорвался — лѣзетъ другой, другой сорвался — лѣзетъ

трётій. И муравейникъ растётъ. Завоевана зёмля и нѣдра земли, море и дно морское, завоеванъ воздухъ, который завтра весь будетъ исчерченъ аэропланами.

И вдругъ нога лѣсного звѣря, который десять лѣтъ ходилъ на водопой мимо муравейника, ступаетъ въ самую середину его. Вдругъ въ минуту исторіи, когда Толстой пишетъ „Войну и Миръ“, Менделѣевъ открываетъ періодическую систему элементовъ, когда въ нѣдрахъ земли поетъ руда, покорная человѣческой киркѣ, когда желѣзнодорожные поѣзда пожираютъ пространство во всѣхъ направленіяхъ, когда императоръ германскій надменно обнимаетъ „чудотворнаго строителя“, благодѣтеля человѣчества, завоевателя воздуха — въ этотъ самый моментъ отклоняется въ обсерваторіи стрѣлка сейсмографа.

Еще неизвѣстно, гдѣ произошло событіе, какое событіе. Черезъ день телеграфъ приноситъ извѣстіе, что уже не существуютъ Калабрія и Мессина — 23 города, сотни деревень и сотни тысячъ людей. Нахлынувшій океанъ и проливной дождь затопили все, чего не поглотила земля и не выжегъ огонь. Мы знаемъ, что значатъ благоуханныя имена Калабріи и Сициліи, но только молчимъ и блѣднѣемъ, зная, что, если исчезли на землѣ древнія Харибда и Сцилла, то впереди, въ сердцѣ нашемъ и въ сердцѣ нашей земли — насъ ждетъ еще болѣе страшная Харибда и Сцилла. Что можемъ мы, пребывающіе въ аполлоническомъ, въ муравьиномъ снѣ? Мы можемъ только облекаться въ трауръ, праздновать свою печаль передъ лицомъ катастрофы; броненосецъ приспускаетъ флагъ до половины флагштока, — какъ бы въ знакъ того, что флагъ спущенъ въ самомъ сердцѣ нашемъ.

Передъ лицомъ разбушевавшейся стихіи приспущенъ надменный флагъ культуры.

Да, передъ событіями въ Сициліи и Калабріи, мы только и можемъ, что торжественно приспустить флагъ. Вѣдь отклонилась только стрѣлка сейсмо-

графа. Ученые сказали только, что югу Италіи и впредь угрожаютъ землетрясенія; что тамъ еще не отвердѣла земная кора. А увѣрены ли мы въ томъ, что довольно „отвердѣла кора“ надъ другой, такой же страшной, не подземной, а земной стихіей — стихіей народной?

Мы дѣлаемъ все, что можемъ. Король воротился съ охоты, папа отмѣнилъ аудіенцію. Всѣ аккредитованные при итальянскомъ дворѣ послы выразили соболѣзнованіе, военныя суда спустили флаги. Судно, отправленное на розыски города, не нашло мѣста, гдѣ онъ былъ. Русскіе матросы — „popolo d'eroi“ — являютъ чудеса самоотверженія, копаясь въ міазмахъ заразы, порожденныя въ 10 секундъ человѣческимъ мясомъ и морскимъ иломъ. Ползутъ поѣзда, нагруженные мертвецами, архіепископъ носитъ мощи св. Агаты, смирительницы подземныхъ силъ. Телеграфъ стучитъ по всей Европѣ; а у насъ не хватаетъ извести, чтобы засыпать бывшую Мессину. Вульгарныя слова газетныхъ телеграммъ пріобрѣтаютъ силу древнихъ итальянскихъ хроникъ. А изъ Этны вырываются столбы желтаго дыма, Сицилія продолжаетъ содрогаться, и намъ не усмирить ея дрожь.

Неужели, этимъ фактамъ нужно противопоставлять оптимизмъ? И неужели нужно быть пессимистомъ, или человѣкомъ суевѣрнымъ, чтобы указывать на то, что флагъ культуры можетъ быть всегда приспушенъ, если приближается гроза?

Не разъ уже сотрясала землю подземная лихорадка и не разъ уже мы праздновали свою немощь передъ моромъ, трусомъ, гладомъ и мятежомъ. Какая же страшная мстительность должна была за столѣтія накопиться въ насъ. Человѣческая культура становится все болѣе желѣзной, все болѣе машинной; все болѣе походитъ она на гигантскую лабораторію, въ которой готовится месть стихіи: растетъ наука, чтобы поработить землю; растетъ искусство — крылатая

мечта — таинственный аэропланъ, чтобы улетѣть отъ земли; растетъ промышленность, чтобы люди могли разстаться съ землей.

Всякій дѣятель культуры — демонъ, проклинающій землю, измышляющій крылья, чтобы улетѣть отъ нея. Сердце сторонника прогресса дышетъ черною местью на землю, на стихію, все еще непокрытую достаточно черствой корой; местью за всѣ ея трудныя времена и безконечныя пространства, за ржавую, тягостную цѣпь причинъ и слѣдствій, за несправедливую жизнь, за несправедливую смерть. Люди культуры, сторонники прогресса, отборные интеллигенты — съ пѣной у рта строятъ машины, двигаютъ впередъ науку въ тайной злобѣ, стараясь забыть и не слушать гулъ стихій земныхъ и подземныхъ, пробуждающійся то тамъ, то здѣсь. И только иногда просыпаясь, озираясь кругомъ себя — они видятъ ту же землю — проклятую, до времени спокойную — и смотрятъ на нее, какъ на какое то театральное представленіе, какъ на нелѣпую, но увлекательную сказку.

Есть другіе люди, для которыхъ земля не сказка, но чудесная быль, которые знаютъ стихію и сами вышли изъ нея: — „стихійные люди“. Они спокойны, какъ она, до времени, и дѣятельность ихъ, до времени, подобна легкимъ, предупреждающимъ подземнымъ толчкамъ. Они знаютъ, что „всему свое время и время всякой вещи подъ небомъ; время рождаться и время умирать; время насаждать и время вырывать посаженное; время убивать и время врачевать; время разрушать и время строить“ (Экклезіастъ).

Какой то земной промыселъ имъ нужнѣй и роднѣй промышленности и культуры.

Они тоже пребываютъ во снѣ. Но ихъ сонъ непохожъ на наши сны, такъ же, какъ поля Россіи непохожи на блистательную суетню Невскаго проспекта. Мы видимъ во снѣ и мечтаемъ на яву, какъ

улетимъ отъ земли на машинѣ, какъ съ помощію радія изслѣдуемъ нѣдра земного и своего тѣла, какъ достигнемъ сѣвернаго полюса и послѣднимъ синтетическимъ усиліемъ ума подчинимъ вселенную единому верховному закону.

Они видятъ сны и создаютъ легенды, не отдѣляющіяся отъ земли: о храмахъ, разсѣянныхъ по лицу ея, о монастыряхъ, гдѣ стоитъ статуя Николая Чудотворца за занавѣсью, невидѣнная никѣмъ, о томъ, что когда вѣтеръ ночью клонитъ рожь — это „Она мчится по ржи“, о томъ, что доски, всплывающія со дна глубокаго пруда — обломки иностранныхъ кораблей, потому что прудъ этотъ — „отдушина океана“. Земля съ ними, и они съ землей, ихъ не различить на ея лонѣ, и кажется порою, что и холмъ — живой и дерево живое, и церковь живая, какъ самъ мужикъ — живой. Только все на этой равнинѣ еще спитъ, а, когда двинется, — все, какъ есть, пойдетъ: пойдутъ мужики, пойдутъ рощи по склонамъ, и церкви, воплощенныя Богородицы, пойдутъ съ холмовъ, и озера выступятъ съ береговъ, и рѣки обратятся вспять; и пойдетъ вся земля.

Я хочу привести два письма, большой, по моему мнѣнію, цѣнности. Одно — письмо крестьянина, рисующее настроеніе одной изъ сѣверныхъ губерній; другое — письмо солдата, адресованное Д. С. Мережковскому.

„Только два — три искреннихъ, освященныхъ кровью, слова революціонеровъ — пишетъ крестьянинъ — невѣдомыми неуслѣдимыми путями доходятъ до сердца народнаго, находятъ готовую почву, и глубоко пускаютъ корни, такъ напримѣръ: ‚земля Божья‘, ‚вся земля есть достояніе всего народа‘, ‚великое, неисповѣдимое слово . . .‘ ‚все будетъ, да не скоро‘, — скажетъ любой мужикъ съ нашей мѣстности. Но это простое ‚все‘ — съ безконечнымъ, какъ небо, смысломъ. Это значитъ, что не будетъ ‚грѣха‘, что золотой рычагъ вселенной повернетъ

къ солнцу правды, тѣло не будетъ уничижено бременемъ вѣчнаго труда.“

„Наша губернія, какъ я сказалъ, находится въ особыхъ условіяхъ. Земли у насъ много, лѣсовъ — тоже достаточно. Аграрно, если можно такъ выразиться — мы довольны . . .“

„Наружно видъ нашей губерніи крайне мирный, пьяный по праздникамъ и голодный по буднямъ. Пьянство растетъ не по днямъ, а по часамъ, пьютъ мужики, нерѣдко бабы и подростки. Казенки процвѣтаютъ, яко храмы, а хлѣба своего, въ большинствѣ, хватаетъ немного дальше Покрова . . . Вообще, мы живемъ, какъ подъ тучей, — вотъ-вотъ грянетъ громъ и свѣтъ осіяетъ трущобы земли . . .“

А вотъ отрывки изъ письма сектанта:

„Какъ извѣстно, насъ называютъ раціоналистами. Находятся такіе курьезные историки, которые ведутъ нашу родословную чуть ли не отъ самого Лютера . . . Не вѣрю я имъ . . .“

„Русскій народъ не даромъ слыветъ самымъ одухотвореннымъ . . .“

„Если внимательно всмотрѣться въ наше сектантство (авторъ письма говоритъ объ всѣхъ сектантахъ, даже о духоборахъ), то придется развести руками и согласиться, что мы никогда не были раціоналистами, а были и суть — мистики самой чистой воды.“

„Мистики мы особаго рода: на русскій ладъ. Мы, дѣйствительно, люди земли, ибо вѣруемъ, что Тысячелѣтнее Царствіе наше будетъ не за гробомъ, не на небѣ, а на землѣ . . .“

„Всѣ наши воздыханія можно смѣло свести на краткую молитву: „Да пріидетъ Царствіе Твое, какъ на небѣ, такъ и на землѣ.“

„Немногіе подозрѣваютъ эту нашу грядущую Валгалу — Сіонъ.“

„Скажу вамъ еще, что не разъ въ нашихъ деревняхъ подымались ложныя тревоги. Народъ бросалъ

все и бѣжалъ въ Сіонъ. Бросали посѣвы, домъ, родныхъ и забирали только скотъ съ собой...“

„Наши сектанты мнѣ представляются тоже революціонерами, но только ихъ программа писалась подъ диктовку невѣдомой силы.“

Не смотря на реакцію, на отсутствіе религіознаго подъема въ современномъ сектанствѣ — „вся наша масса представляетъ теперь застывшій потокъ лавы — нужно пробить верхній, зачерепѣвшій слой, чтобы вырвалась наружу сжатая огненная сила...“

Такъ вотъ: съ одной стороны — народъ православный, убаюканный казенкой, съ водкой въ церковныхъ подвалахъ, съ пьяными попами. Съ другой — этотъ „зачерепѣвшій слой лавы“ надъ жерломъ вулкана.

Эти — „пѣніемъ сладкозвучнымъ сердца погибшихъ привлекаютъ“. Они поютъ:

Ты любовь, ты любовь,
Ты любовь святая,
Отъ начала ты гонима,
Кровью политая.

Тѣ поютъ другія пѣсни:

У насъ ножики литые,
Гири кованыя —
Мы ребята холостые,
Практикованные...
Пусть насъ жарятъ и калятъ
Размазуриковъ-ребятъ —
Мы начальству не уважимъ,
Лучше сядемъ въ казематъ...
Ахъ, ты, книжка-складенецъ,
Въ каторгу дорожка,
Пострадаетъ молодецъ
За тебя немножко...

Въ дни приближенія грозы сливаются обѣ эти пѣсни: ясно до ужаса, что тѣ, кто поетъ про „литые ножики“, и тѣ, кто поетъ про „святую любовь“ — не продадутъ другъ друга, потому что — стихія съ ними, они — дѣти одной грозы; потому что земля одна, „земля Божья“, „земля — достояніе всего народа“.

Распалилась месть культуры, которая вздыбилась „стальной щетиною“ штыковъ и машинъ. Это — только знакъ того, что распалилась и другая месть — месть стихійная и земная. Между двухъ костровъ распалившейся мести, между двухъ становъ мы и живемъ. Оттого и страшно: каковъ огонь, который рвется наружу изъ подъ „очерепѣвшей лавы“? Такой ли, какъ тотъ, который опустошилъ Калабрію, или это — очистительный огонь?

Такъ или иначе — мы переживаемъ страшный кризисъ. Мы еще не знаемъ въ точности, какихъ намъ ждать событій, но въ сердцѣ нашемъ уже отклонилась стрѣлка сейсмографа. Мы видимъ себя уже какъ бы на фонѣ зарева, на легкомъ, кружевномъ аэропланѣ, высоко надъ землею; а подъ нами — громыхающая и огнедышащая гора, по которой за тучами пепла ползутъ, освобождаясь, ручьи раскаленной лавы.

ИРОНІЯ.

Я не люблю ироніи твоей,
Оставь ее отжившимъ и неживишимъ,
А намъ съ тобой, такъ горячо любившимъ,
Еще остатокъ чувства сохранившимъ —
Намъ рано предаваться ей!

Некрасовъ.

Самыя живыя, самыя чуткія дѣти нашего вѣка поражены болѣзнью, незнакомой тѣлеснымъ и духовнымъ врачамъ. Эта болѣзнь — сродни душевнымъ недугамъ и можетъ быть названа „ироніей". Ея проявленія — приступы изнурительнаго смѣха, который начинается съ дьявольски-издѣвательской, провокаторской улыбки, кончается — буйствомъ и кощунствомъ.

Я знаю людей, которые готовы задохнуться отъ смѣха, сообщая, что умираетъ ихъ мать, что они погибаютъ съ голоду, что измѣнила невѣста. Человѣкъ хохочетъ, — и не знаешь, выпьетъ онъ сейчасъ, разставшись со мной, уксусной эссенціи, увижу ли его еще разъ? И мнѣ самому смѣшно, что этотъ самый человѣкъ, терзаемый смѣхомъ, повѣствующій о томъ, что онъ всѣми униженъ и оставленъ — какъ бы отсутствуетъ; будто не съ нимъ я говорю, будто и нѣтъ этого человѣка, только хохочетъ передо мной его ротъ. Я хочу потрясти его за плечи, схватить за руки, закричать, чтобы онъ пересталъ смѣяться надъ тѣмъ, что ему дороже жизни, — и не могу. Самого

меня ломаетъ бѣсъ смѣха; и меня самого уже нѣтъ. Насъ обоихъ нѣтъ. Каждый изъ насъ — только смѣхъ, оба мы — только нагло хохочущіе рты.

Это — не беллетристика. Многіе изъ васъ углубившись въ себя безъ ложнаго стыда и лукавства, откроютъ въ себѣ признаки той же болѣзни.

Эпидеміи свирѣпствуютъ; кто не боленъ этой болѣзнью, боленъ обратной: онъ вовсе не умѣетъ улыбнуться, ему ничто не смѣшно. И, по нынѣшнимъ временамъ, это — не менѣе страшно, не менѣе болѣзненно; развѣ мало теперь явленій въ жизни, къ которымъ нельзя отнестись иначе, какъ съ улыбкой?

Много ли мы знаемъ и видимъ примѣровъ созидающаго, „звонкаго“ смѣха, о которомъ говорилъ Владиміръ Соловьевъ, увы! — самъ не умѣвшій, повидимому, смѣяться „звонкимъ смѣхомъ“, самъ зараженный болѣзнью безумнаго хохота? Нѣтъ, мы видимъ всегда и всюду — то лица, скованныя серьезностью, не умѣющія улыбаться, то лица — судорожно дергающіяся отъ внутренняго смѣха, который готовъ затопить всю душу человѣческую, всѣ благіе ея порывы, смести человѣка, уничтожить его; мы видимъ людей, одержимыхъ разлагающимъ смѣхомъ, въ которомъ топятъ они, какъ въ водкѣ, свою радость и свое отчаяніе, себя и близкихъ своихъ, свое творчество, свою жизнь и, наконецъ, свою смерть.

Кричите имъ въ уши, трясите ихъ за плечи, называйте имъ дорогое имя — ничто не поможетъ. Передъ лицомъ проклятой ироніи — все равно для нихъ: добро и зло, ясное небо и вонючая яма, Беатриче Данта и Недотыкомка Соллогуба. Все смѣшано, какъ въ кабакѣ и мглѣ. Винная истина, „in vino veritas“ — явлена міру; все — едино, единое — есть міръ; я пьянъ; ergo — захочу — „приму“ міръ весь цѣликомъ, упаду на колѣни передъ Недотыкомкой, соблазню Беатриче; барахтаясь въ канавѣ, буду полагать что парю въ небесахъ; захочу — „не приму“

міра: докажу, что Беатриче и Недотыкомка одно и то же. Такъ мнѣ угодно, ибо я пьянъ. А съ пьянаго человѣка — что спрашивается? Пьянъ ироніей, смѣхомъ, какъ водкой; такъ же все обезличено, все „обезчещено", все — все равно.

Какая же жизнь, какое творчество, какое дѣло можетъ возникнуть среди людей, больныхъ „ироніей", древней болѣзнью, все болѣе и болѣе заразительной? Самъ того не вѣдая, человѣкъ заражается ею; это — какъ укусъ упыря, человѣкъ самъ становится кровопійцей, у него пухнутъ и наливаются кровью губы, бѣлѣетъ лицо, отростаютъ клыки.

Такъ проявляется болѣзнь „иронія". И какъ намъ не быть зараженными ею, когда только что прожили мы ужасающій девятнадцатый вѣкъ, русскій XIX вѣкъ въ частности? Вѣкъ, который хорошо названъ „безпламеннымъ пожаромъ" у одного поэта; блистательный и погребальный вѣкъ, который бросилъ на живое лицо человѣка глазетовый покровъ механики, позитивизма и экономическаго матеріализма, который похоронилъ человѣческій голосъ въ грохотѣ машинъ; металлическій вѣкъ, когда „желѣзный коробокъ" — поѣздъ желѣзной дороги — обогналъ „необгонимую тройку, въ которой Гоголь олицетворялъ всю Россію", какъ сказалъ Глѣбъ Успенскій.

Какъ не страдать намъ такою болѣзнью, когда властительнѣе нашего голоса стали свистки паровозовъ, когда, стараясь перекричать машину, мы надорвались, выкричали душу (не оттого ли такъ послѣдовательно, годъ за годомъ, умираетъ русская литература, что выкричана душа интеллигентская, а новая еще не родилась?), и изъ опустошенной души вырывается уже не созидающая хула и хвала, но разрушающій, опустошительный смѣхъ?

На этотъ смѣхъ, на эту иронію указано давно. Еще Добролюбовъ говорилъ, что „во всемъ, что есть лучшаго въ нашей словесности, видимъ мы эту иронію, то наивно-открытую, то лукаво-спокойную, то сдер-

жанно-желчную". Добролюбовъ видѣлъ въ этомъ залогъ процвѣтанія русской сатиры, онъ не зналъ всей страшной опасности, приходящей отсюда, по двумъ причинамъ.

Во-первыхъ, онъ страдалъ обратной болѣзнью, онъ не умѣлъ улыбнуться, онъ не владѣлъ ни однимъ изъ многообразныхъ методовъ смѣха. Онъ былъ сыномъ несмѣющейся эпохи, естественной реакціей противъ которой былъ Козьма Прутковъ. Хорошо, забавно было цитировать Пруткова, теперь это немножко жутко и пошловато, какъ многія и многія хорошія остроты „Побѣдоносцевскаго періода", даже остроты шутника Владиміра Соловьева.

Во-вторыхъ, и это главное, Добролюбовъ — писатель дореволюціонный. Въ его критическихъ гаданіяхъ не было ни малѣйшаго предвидѣнія не только Андреевскаго „краснаго смѣха", но и глубинъ ироніи Достоевскаго. А ужъ тонкой и разрушительной ироніи Соллогуба — Добролюбовъ и во снѣ не видалъ.

Конечно, и Достоевскій, и Андреевъ, и Соллогубъ — по одному — русскіе сатирики, разоблачители общественныхъ пороковъ и язвъ; но по другому-то, и по самому главному, храни насъ Господь отъ ихъ разрушительнаго смѣха, отъ ихъ ироніи; всѣ они очень несходны между собой, во многомъ — прямо враждебны. Но представьте, что они сошлись въ одной комнатѣ, безъ постороннихъ свидѣтелей: посмотрятъ другъ на друга, засмѣются и станутъ за одно... А мы-то слушаемъ, мы-то вѣримъ.

Достоевскій не говоритъ прямого „нѣтъ" тому семинарскому нигилизму, который разбираетъ его. Онъ влюбленъ чуть ли не болѣе всего въ Свидригайлова.

Андреевъ не только мучается „краснымъ смѣхомъ", онъ въ безсознательныхъ глубинахъ своей хаотической души, любитъ двойниковъ („Черныя маски"),

любитъ всенароднаго провокатора („Царь-Голодъ“), любитъ ту „космическую провокацію“, которой проникнута „Жизнь Человѣка“, тотъ „ледяной вѣтеръ безграничныхъ пространствъ“, который колеблетъ желтое пламя свѣчи человѣческой жизни.

Соллогубъ не говоритъ „нѣтъ“ Недотыкомкѣ, онъ связанъ съ нею тайнымъ обѣтомъ вѣрности. Соллогубъ не промѣняетъ мрака своего бытія ни на какое иное бытіе. Смѣшонъ тотъ, кто приметъ пѣсни Соллогуба за жалобы. Никому не станетъ жаловаться чаровникъ — Соллогубъ, иронической „Русскій Верлэнъ“.

И всѣ мы, современные поэты — у очага страшной заразы. Всѣ мы пропитаны провокаторской иронiей Гейне. Тою безмѣрною влюбленностью, которая для насъ самихъ искажаетъ лики нашихъ иконъ, чернитъ сіяющія ризы нашихъ святынь.

Некому сказать намъ спасительное слово, ибо никто не знаетъ силы нашей зараженности. Какой декадентъ, какой позитивистъ, какой православный мистикъ пойметъ всю обнаженность этихъ моихъ словъ? Кто знаетъ то состояніе, о которомъ говорилъ одинокій Гейне: „Я не могу понять, гдѣ оканчивается иронія и начинается небо!“ Вѣдь это — крикъ о спасеніи.

Съ тѣми, кто боленъ иронiей, любятъ посмѣяться. Но имъ не вѣрятъ, или перестаютъ вѣрить. Человѣкъ говоритъ, что онъ умираетъ, а ему не вѣрятъ. И вотъ — смѣющійся человѣкъ умираетъ одинъ. Что жъ, можетъ быть, къ лучшему? „Собакѣ — собачья смерть“.

Не слушайте нашего смѣха, слушайте ту боль, которая за нимъ. Не вѣрьте никому изъ насъ, вѣрьте тому, что за нами.

Если же мы неспособны явить вамъ то, что за нами, то, чего хотятъ и чего ждутъ иные изъ насъ, — отвернитесь отъ насъ скорѣе. Не дѣлайте изъ

нашихъ исканій — моды, изъ нашей души — балаганныхъ куколъ, которыхъ таскаютъ на потѣху публикѣ по улицамъ, литературнымъ вечерамъ и альманахамъ.

Есть священная формула, такъ или иначе повторяемая всѣми писателями: „Отрекись отъ себя для себя, но не для Россіи“ (Гоголь). „Чтобы быть самымъ собою, надо отречься отъ себя“ (Ибсенъ). „Личное самоотреченіе не есть отреченіе отъ личности, а есть отреченіе лица отъ своего эгоизма“ (Вл. Соловьевъ). Эту формулу повторяетъ рѣшительно каждый человѣкъ; онъ неизмѣнно наталкивается на нее, если живетъ сколько-нибудь сильной духовной жизнью. Эта формула была бы банальной, если бы не была священной. Ее-то понять труднѣе всего.

Я убѣжденъ, что въ ней лежитъ спасеніе и отъ болѣзни „ироніи“, которая есть болѣзнь личности, болѣзнь „индивидуализма“. Только тогда, когда эта формула проникнетъ въ кровь и плоть каждаго изъ насъ, наступитъ настоящій „кризисъ индивидуализма“. До тѣхъ поръ мы не застрахованы ни отъ какихъ болѣзней вѣчно зацвѣтающаго, но вѣчно безплоднаго духа.

ДИТЯ ГОГОЛЯ.

Если бы сейчасъ среди насъ жилъ Гоголь, мы относились бы къ нему такъ же, какъ большинство его современниковъ: съ жутью, съ безпокойствомъ, и, вѣроятно, съ непріязнью, непобѣдимой внутренней тревогой заражаетъ этотъ единственный въ своемъ родѣ человѣкъ: угрюмый, востроносый, съ пронзительными глазами, больной и мнительный.

Источникъ этой тревоги творческая мука, которою была жизнь Гоголя. Отрекшійся отъ прелести міра и отъ женской любви, человѣкъ этотъ самъ, какъ женщина, носилъ подъ сердцемъ плодъ: существо, мрачно сосредоточенное и безучастное ко всему, кромѣ одного; не существо, не человѣкъ почти, а какъ бы одинъ обнаженный слухъ, отверзтый лишь для того, чтобы слышать медленныя движенія, потягиванія ребенка.

Едва ли встрѣча съ Гоголемъ могла быть милой, пріятельской встрѣчей, въ немъ можно было легко почувствовать стараго врага; душа его глядѣлась въ другую душу мутными очами стараго міра; отшатнуться отъ него было легко.

Толстой, способный къ воспріятію новаго, въ высшей мѣрѣ могъ различить въ немъ новый, нерожденный міръ, который надлежало Гоголю явить людямъ.

Заглянувшему въ новый міръ Гоголя, вѣрно, надолго „становился какъ-то скучнымъ разумный возрастъ человѣка“.

Когда Гоголь говорилъ въ „Портретѣ“ о какой-то чертѣ, до которой художника „доводитъ высшее познаніе искусства и черезъ которую шагнувъ, онъ уже похищаетъ несоздаваемое трудомъ человѣка, вырываетъ что-то живое изъ жизни“; когда Гоголь мучился, безсильный создать желаемое, и годами переписывалъ свои творенія, безжалостно уничтожая геніальное, бросая на серединѣ то, что для насъ неоцѣненно, и лишь для его художнической воли сомнительно; когда Гоголь мечталъ о „великихъ трудахъ“ и звалъ „пободрствовать своего генія“; когда онъ слушалъ все одну, отдаленную и разрастающуюся музыку души своей — бубенцы тройки и вопли скрипокъ на фонѣ однообразно звенящей струны (объ этой музыкѣ — и въ „Портретѣ“, и въ „Запискахъ сумасшедшаго“, и въ „Сорочинской ярмаркѣ“, и въ „Мертвыхъ душахъ“); когда, замышляя какую-то несозданную драму, мечталъ Гоголь „освѣтить ее всю минувшимъ ... обвить разгуломъ, казачкомъ и всѣмъ раздольемъ воли ... и въ потокъ рѣчей неугасимой страсти и въ безпечность забубенныхъ вѣковъ“; — тогда уже зналъ Гоголь сквозь всѣ тревоги, что радость и раздирающая мука творчества суждены ему неизбѣжно.

Такъ женщина знаетъ съ неизбѣжностью, что ребенокъ родится, но что она будетъ кричать отъ боли, дорогой цѣной платя за радость рожденія новаго существа.

Передъ неизбѣжностью родовъ, передъ появленіемъ новаго существа содрогался Гоголь; какъ у русалки, чернѣла въ его душѣ „черная точка“. Онъ зналъ, что самъ — ничто, сравнительно съ своимъ твореніемъ; что онъ — только несчастный сумасшедшій рядомъ съ тѣмъ величіемъ, которое ему снится. — „Спасите меня! Возьмите меня!“ кричитъ замученный Поприщинъ; это крикъ самого Гоголя, котораго схватила творческая мука.

„Спасите меня! Возьмите меня! Дайте мнѣ тройку быстрыхъ, какъ вихорь, коней! Садись, мой ямщикъ, звени, мой колокольчикъ, взвейтеся, кони, и несите меня съ этого свѣта! Далѣе, далѣе, чтобы не видно было ничего, ничего! Вонъ небо клубится передо мною; звѣздочка сверкаетъ вдали; лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелется подъ ногами; струна звенитъ въ туманѣ... вонъ и русскія избы виднѣются. Домъ-ли то мой синѣетъ вдали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына!“

Такъ влечетъ къ себѣ Гоголя новая родина, синяя даль, въ бреду рожденія снящаяся Россія.

„Русь! Русь! Какая непостижимая тайная сила влечетъ къ тебѣ и почему слышится и раздается постоянно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря и до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? — Русь! Чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами?“

Чего она хочетъ? — Родиться, быть. Какая связь между нимъ и ею? — Связь творца съ твореніемъ, матери съ ребенкомъ.

Та самая Русь, о которой кричали и пѣли славянофилы, какъ корибанты, заглушая крики матери бога; она-то сверкнула Гоголю, какъ ослѣпительное видѣніе, въ краткомъ творческомъ снѣ. Она далась ему въ красотѣ и музыкѣ, въ свистѣ вѣтра и въ полетѣ бѣшеной тройки. „У, какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль... Русь! куда-жъ несешься ты? дай отвѣтъ! Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный на куски воздухъ.“

Что измѣнило ослѣпительное видѣніе Гоголя въ дѣйствительной жизни? Ничего. Здѣсь — осталась прежняя, хомяковская, „недостойная избранія“ Россія:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена.

Тамъ сверкнуло чудесное видѣніе. Какъ передъ весною разрываются иногда влажныя тучи, открывая особенно крупныя, точно новорожденныя и омытыя звѣзды, такъ разорвалась передъ Гоголемъ непроницаемая завѣса дней его, его мученической жизни; а съ нею вмѣстѣ — вѣковыхъ россійскихъ буденъ; открылась, омытая весенней влагой, синяя бездна, „незнакомая землѣ даль“, будущая Россія. Точь-въ-точь, какъ въ „Страшной Мести“: „За Кіевомъ показалось неслыханное чудо: вдругъ стало видимо далеко во всѣ концы свѣта. Вдали засинѣлъ Лиманъ, за Лиманомъ разливалось Черное море. Бывалые люди узнали Крымъ, горою подымавшійся изъ моря, и болотный Сивашъ. По лѣвую руку видна была земля Галическая.“ Еще дальше — Карпаты, „съ которыхъ вѣкъ не сходитъ снѣгъ, а тучи пристаютъ и ночуютъ тамъ.“

Такая Россія явилась только въ красотѣ, какъ въ сказкѣ, зримая духовнымъ очамъ.“ Вслѣдъ за Гоголемъ снится она и намъ. Онъ же, первый приподнявшій завѣсу, за дерзкое свое прозрѣніе извѣдалъ все униженіе тоски и сѣрую всероссійскую мразь; не выдержавъ „очерствѣнія жизни,“ глухой „могилы повсюду“, Гоголь сломился. Передъ смертью онъ кричалъ что-то о „лѣстницѣ“; до того явственно было у него представленіе о какой-то спасительной лѣстницѣ, выбрасываемой изъ небеснаго окна, по которой можно „взлетѣть“ въ синюю бездну, видѣнную когда-то въ творческомъ снѣ.

Въ полетѣ на возсоединеніе съ цѣлымъ, въ музыкѣ мірового оркестра, въ звонѣ струнъ и бубенцовъ, въ свистѣ вѣтра, въ визгѣ скрипокъ — родилось дитя Гоголя. Этого ребенка назвалъ онъ Россіей. Она глядитъ на насъ изъ синей бездны будущаго и зоветъ туда. Во что она выростетъ, — не знаемъ; какъ назовемъ ее, — не знаемъ.

Чѣмъ безлюдней, чѣмъ зеленѣе кладбище, тѣмъ громче пѣсня соловья въ березовыхъ вѣтвяхъ, надъ могилами. Все кончается, только музыка не умираетъ. „Если же и музыка насъ покинетъ, что будетъ тогда съ нашимъ міромъ?“ — спрашивалъ „украинскій соловей“ Гоголь. Нѣтъ, музыка насъ не покинетъ.

ПЛАМЕНЬ.

(По поводу книги Пимена Карпова „Пламень“, изъ жизни и вѣры хлѣборобовъ. Спб. 1914).

Книга, озаглавленная „Пламень“, не можетъ быть отнесена ни къ какому роду литературныхъ произведеній; это — не „романъ“, не повѣсть, не „бытовые очерки“, хотя есть признаки и того и другого, и третьяго; книга не только литературно безформенна, она безформенна во всѣхъ отношеніяхъ.

И, однако, ее нельзя обойти молчаніемъ. „Пламень“ — не „проба пера“ „обѣщающаго автора“; онъ не принадлежитъ къ „исканіямъ“ болѣе или менѣе „мятежныхъ“ молодыхъ людей, не могущихъ рѣшить опредѣленно, писать имъ стихи и романы, или поступить въ департаментъ; авторъ „Пламени“ — никто, книга его — не книга вовсе; писана она чернилами и напечатана типографской краской, но въ этомъ есть условность; кажется, авторъ прошелъ много путей для исполненія возложенной на него обязанности, обязанности не личной, а родовой, гдѣ то въ глубинѣ вѣковъ теряющейся, и теперь выбралъ путь „книжный“. Если же и этотъ путь не приведетъ къ цѣли, онъ будетъ искать другихъ путей; если не найдетъ ихъ, то найдетъ ихъ слѣдующій за нимъ, можетъ быть еще не родившійся, тотъ, кто будетъ звеномъ того же отъ начала Руси и до конца ея

тяжущагося рода „хлѣборобовъ“. Вотъ въ чемъ сила „Пламени“, и вотъ отчего молчать о немъ не приходится.

Роду хлѣборобовъ, которые исполняютъ этотъ завѣтъ, не будетъ конца, пока не разрѣшится самое сокровенное и самое страшное дѣло въ Россіи.

Поэтому, книга Карпова посвящена „пресвѣтлому духу отца, страстотерпца и мученика, сожженнаго на кострѣ жизни“; плохая аллегорія, суконный языкъ и... святая правда.

Карповъ не видитъ въ русской жизни ничего, кромѣ рѣкъ крови и моря огня: страсть, насилія, убійства, казни, всѣ виды мучительствъ душевныхъ и тѣлесныхъ — это „фонъ“ повѣсти; на такомъ фонѣ борятся два начала: начало тьмы, самъ дьяволъ, помѣщикъ, „камергеръ — дѣторастлитель“ Гедеоновъ, который самъ себя называетъ „желѣзнымъ кольцомъ государства“; а начало свѣта, хлыстъ Крутогоровъ, который сквозь мракъ и страданіе идетъ къ Свѣтлому Граду. Всѣ остальныя лица — мужики, хлысты, „злыдота“, колдунья, свѣтлая дѣвушка, монахи, родственники камергера, и пр.— такія же, „олицетворенныя начала“: не лица, а отпрыски двухъ родовъ, свѣтлаго и проклятаго. Карповъ не можетъ видѣть иначе: кровь и огонь только и стоятъ у него въ глазахъ.

Книга Карпова взбудоражила критиковъ, которые писали о нёй очень много: А. Столыпинъ — въ „Новомъ Времени“, Ясинскій — въ „Биржевкѣ“, Бончъ-Бруевичъ — въ „Кіевской Мысли“, Петрашкинъ — въ „Днѣ“, Философовъ — въ „Рѣчи“. Вспомнили отвратительный (со всѣхъ сторонъ) процессъ Бейлиса и лишній разъ сцѣпились другъ съ другомъ по поводу „легенды объ употребленіи крови“, ибо Пименъ Карповъ „показываетъ, что въ русскихъ монастыряхъ передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ въ подпольяхъ служатъ кровавыя мессы сатанѣ и пріобщаются человѣческой кровью“.

Рядомъ съ вѣрными мыслями, журналистъ опять и опять проявляетъ такое ужасное невѣріе, такое незнаніе народа, такую брезгливость и такой цинизмъ, что за интеллигенцію русскую опять становится страшно. Разумѣется, рекордъ цинизма побиваетъ, какъ всегда, „Новое Время“, десятки лѣтъ успѣшно развращавшее русскую молодежь. Г-нъ Столыпинъ говоритъ: „Книга Пимена Карпова потому-то и производитъ такое удручающее впечатлѣніе, что свидѣтельствуетъ о возможности подобныхъ душевныхъ состояній въ средѣ русскаго народа, свидѣтельствуетъ о томъ, что такія драгоцѣнныя народныя качества, какъ несокрушимая вѣра, какъ безграничная способность претерпѣвать муки за цѣнность высшаго порядка, то есть за убѣжденія и правду, какъ жажда духовнаго совершенства и мистической высоты, что такія качества могутъ вырождаться въ мерзость, которой нѣтъ ни имени, ни оправданія.“

Эти грязныя и ханжескія слова неинтеллигентной газеты я привожу не потому, что она сама по себѣ интересна, а потому, что слишкомъ мало разницы въ отношеніи къ П. Карпову проявляетъ настоящая интеллигенція.

Критики „Пламени“ твердятъ на всѣ лады о томъ, что это — „бредъ“, одни — съ брезгливостью, другіе — съ похвалой; слово, во всякомъ случаѣ считается найденнымъ. Они правы, если слово „бредъ“ что нибудь опредѣляетъ. Ничего нѣтъ легче, чѣмъ взять на себя „литературную“, „медицинскую“, или „психологическую“ экспертизу въ дѣлѣ Карпова; признать, что это „уголовщина“ только; но вѣдь не всякія формы бреда можно раскрыть при помощи уголовнаго процесса.

Бредъ Карпова — не тотъ, который у больныхъ проходитъ отъ лѣченія, у декадентовъ — отъ возраста, у пьяныхъ — отъ того, что они кладутъ зарокъ; играя словами, можно сказать, что это „не-

проходимый бредъ", неизлѣчимый. Одинъ изъ рецензентовъ полагаетъ даже, что бредъ автора будетъ увѣнчанъ, и надъ его головой зашумятъ лавры.

Лавры надъ этой несчастной головой — какая горькая насмѣшка!

Критики говорятъ еще, по поводу Карпова, объ Андреѣ Бѣломъ. Одинъ — что Карповъ подражаетъ, другой — что языкъ Карпова гораздо сильнѣе языка Бѣлаго. Подражаніе А. Бѣлому одинаково считается при этомъ непозволительнымъ и неприличнымъ.

Вѣрно, что Карповъ „подражаетъ" А. Бѣлому; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сличить любую страницу „Пламени" съ любой страницей „Серебрянаго Голубя". Что же тутъ неестественнаго? Именно у А. Бѣлаго найдетъ Карповъ отвѣтъ на многія свои муки: найдетъ въ той музыкѣ, въ томъ чадѣ, которыми проникнуты глубоко русскія творенія А. Бѣлаго. Дѣло, конечно, не въ техникѣ, которой владѣетъ А. Бѣлый, и до которой нѣтъ дѣла П. Карпову. Есть трогательное въ томъ, что „отверженецъ" Карповъ со своимъ дѣломъ, которое всѣмъ не ко двору, ищетъ поддержки въ музыкѣ самаго отверженнаго современнаго писателя, того писателя, чьихъ непривычныхъ для слуха рѣчей о Россіи никто еще не слыхалъ какъ слѣдуетъ, но которыя рано или поздно услышаны будутъ.

Литературныя сравненія, наблюденія надъ стилемъ, или языкомъ, отыскиваніе характеровъ въ „Пламени", задача неблагодарная. Были у насъ книги, подобныя „Пламени": напримѣръ „Антихристъ" В. Свенцицскаго, или „Записки Анны" Н. Санжаръ. Отъ нихъ, какъ отъ книгъ, не сохранилось ничего, что можно оформить и поставить на полку; сохранилось только похожее на воспоминаніе о физической боли, на сильное и мимолетное впечатлѣніе, съ которымъ не разстанешься.

Такъ и изъ „Пламени" намъ придется, рады мы или не рады, запомнить кое-что о Россіи. Пусть это приложится къ „познанію Россіи": лишній разъ

испугаемся, вспоминая, что нашъ бунтъ, также, какъ былъ, можетъ опять быть „безсмысленнымъ и безпощаднымъ“ (Пушкинъ); что были въ Россіи „кровь, топоръ и красный пѣтухъ“, а теперь стала „книга“; а потомъ опять будетъ кровь, топоръ и красный пѣтухъ.

Не все можно предугадать и предусмотрѣть. Кровь и огонь могутъ заговорить, когда ихъ никто не ждетъ. Есть Россія, которая, вырвавшись изъ одной революціи, заодно смотритъ въ глаза другой, можетъ быть, болѣе страшной.

1913—1918.

ОТТО ЭЛЬСНЕРЪ, БЕРЛИНЪ.

ОТТО ЭЛЬСНЕРЪ / БЕРЛИНЪ